

ДО ПОЯВЛЕНИЯ МИРА
СУЩЕСТВОВАЛО ЛИШЬ НЕЧТО ЕДИНОЕ

СОЗДАТЕЛЬ

КОГДА СВЕТ И ТЬМА ЗАБЫЛИ,
ЧТО БЫЛИ ЕДИНЫМ ЦЕЛЫМ

АСТРИД НОРД

Астрид Норд

Создатель

«Автор»

2026

Норд А.

Создатель / А. Норд — «Автор», 2026

До появления мира существовало лишь нечто единое — без времени, без света, без тьмы. Но однажды оно разделилось. Так родились два начала, которым было суждено хранить равновесие мироздания. И пока между ними существовало понимание, мир оставался целым. Всё изменилось после первой смерти. Из чужого греха появилась странная птица с пепельными крыльями — предвестница перемен, о которой шепчутся даже бессмертные. После её появления небеса раскололись, а вечность впервые узнала, что такое ненависть. Это история о мире, где свет боится собственной тьмы, а тьма помнит, что когда-то была частью света.

© Норд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Создатель	7
Глава 2. Пепельная горлица	13
Глава 3. Устройство миров	21
Глава 4. Законы и порядки	26
Глава 5. Мудрецы	30
Глава 6. Скрижаль	34
Глава 7. Первые люди	37
Глава 8. Гибель первых	42
Глава 9. Плач по первым	46
Глава 10. Низшие	50
Глава 11. Первый грех	53
Глава 12. Хранитель	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Астрид Норд

Создатель

От автора

Обращение к читателю

Дорогой читатель!

Книга, которую вы только что прочитали (или, возможно, только собираетесь прочитать) — «Создатель» — является предысторией моего основного романа «Равновесие. Стена» (она выйдет чуть позже на всех платформах, сейчас начали выходить главы на Литрес)

Я написала эту книгу для тех, кому интересно заглянуть глубже. Чтобы понять, откуда взялся этот мир, почему ангелы и демоны враждуют, кто такой Эон, что такое Скрижаль и как вообще всё устроено.

«Создатель» — это не приквел в привычном смысле. Это скорее путеводитель по мифологии, которую я создавала несколько месяцев. Здесь вы найдёте:

- Сотворение мира. Как Эон разделил себя на свет и тьму, как появились первые ангел и первый демон, как они жили вместе и как разошлись по разным сторонам.

- Устройство Рая и Ада. Как они устроены, какие законы в них действуют, кто такие низшие, мудрецы и связные животные.

- Иерархию и природу сил. Возраст силы, дары ангелов и демонов, систему наказаний, Яму и Чистилище.

- Легенды о первых людях. Урок о том, что не всякую правду можно дать человеку, гибель Ариэля и Малхиора.

- Историю Хранителя. Его детство, имя, тайну, которую он хранит тысячу лет, и дар забирать души.

- Рождение Кору. Историю любви Анны и Джеймса — ангела и демона, которые отказались от своей сущности ради дочери.

- Скрижаль и пророчество. О книге, написанной мудрецом Азраилом, о слове «Катехон». Нужно ли читать «Создатель» перед книгой «Равновесие. Стена»?

Я бы сказала так: не обязательно, но очень желательно.

Основной роман можно читать и без этой книги — сюжет там самодостаточен, а основные правила мира объясняются по ходу действия. Но «Создатель» даёт вам то, чего нет в основном тексте: глубину.

Вы будете знать, почему ангелы слабеют, почему демоны свободно спускаются на Землю, кто такая пепельная горлица и что означает знак на спине Кору. Вы поймёте мотивы Хранителя, его страх перед именем и одиночество. Вы увидите, как трагедия первых ангелов и демонов эхом отзывается через тысячелетия.

Если вы уже прочитали роман «Равновесие. Стена» и теперь взялись за «Создатель» — отлично. Многие вещи заиграют новыми красками. Вы узнаете предысторию персонажей, о которых в основном романе говорится лишь в намёках.

Если вы ещё не читали основной роман и начали с «Создателя» — тоже хорошо. Вы войдёте в историю подготовленным, вооружённым знанием всех легенд и законов. Вам будет легче ориентироваться в этом мире.

В любом случае — спасибо, что вы со мной.

Эта история родилась из вопроса: «Что, если человек не должен выбирать сторону? Что, если его природа — держать равновесие между светом и тьмой?»

Я надеюсь, что «Создатель» станет для вас таким же тёплым и страшным, родным и чужим, каким оно было для меня, когда я его писала.

Астрид Норд

P.S. В «Равновесии. Стена» вы встретите Кору, Хранителя, Эшит, Морта, Азазеля и других героев.

Приятного чтения.

Глава 1. Создатель

Прежде чем появилось что-либо — не было ни света, ни тьмы, ни пространства, ни времени, ни даже самой пустоты, которую можно было бы измерить или представить, но был Он. Нельзя сказать, что Он был один, потому что понятие одиночества предполагает кого-то, кто мог бы быть рядом, а здесь Он был первым и единственным.

Его не называли по имени, потому что некому было называть, но если бы кто-то спросил, как Его зовут, можно было бы ответить: Эон. Это слово пришло из языка, которого ещё не существовало, в нём слышалась бесконечность, которая не знает ни начала, ни конца. Эон. Дыхание, которое ещё не стало ветром, мысль, которая ещё не обрела форму, Создатель, который ещё не решил, что именно создавать.

Время не имело смысла, когда нечего было отсчитывать — ни рассветов, ни закатов, ни ударов сердца, потому что сердца у Него тоже не было. Может быть, прошла секунда. Может быть, вечность. Может быть, что-то среднее, для чего у человеческого языка нет названия. Он знал только одно: внутри Него что-то копилось, росло, требовало выхода, и это что-то было слишком большим, чтобы оставаться внутри, и слишком важным, чтобы исчезнуть бесследно.

Это не было болью, это не было радостью, это было что-то другое, может быть, любовь к тому, чего ещё нет, может быть, тоска по тому, что должно родиться, может быть, просто желание, чистое и необъяснимое.

Он не хотел быть один, просто знал, что так не должно продолжаться, что Его предназначение — не в том, чтобы существовать в пустоте, а в том, чтобы наполнить её Собой, Своим дыханием, Своей мыслью, Своей любовью к тому, что ещё не родилось.

Создатель перебирал возможности, примерял их, как одежду, которую ещё не сшил, отбрасывал одни, возвращался к другим, сомневался (потому что даже Создатель имеет право сомневаться) и снова возвращался к началу.

Он мог бы создать всё сразу — миры, существ, время, пространство, законы, по которым всё это будет жить и умирать. Мог бы сделать это одним движением, одной мыслью, одним вздохом. Но не хотел ничего, что было бы похоже на Него самого, потому что копия — это всегда скучно, всегда вторично. Копия остаётся копией, даже если сделать её золотой и поставить на самую высокую полку.

Эон хотел создать нечто, что было бы Его частью, но при этом жило своей жизнью. Не раба, который выполняет команды и не знает иной судьбы. А существо, которое могло бы выбирать, ошибаться, учиться, сомневаться, любить и ненавидеть, падать и подниматься, терять надежду и обретать её снова. Существо, которое было бы свободным по-настоящему, а не только на словах.

Для этого нужна была жертва.

Он не знал, откуда пришла эта мысль. Может быть, она была с Ним всегда, просто не хотел её слышать, потому что жертва страшила Его. Может быть, она родилась в тот самый момент, когда Он впервые задумался о творении, и с тех пор не уходила, ждала своего часа. Теперь Он услышал её отчётливо.

Эон должен разделить Себя.

И мир содрогнулся.

Свет пришёл первым.

Он вырвался из Эона, как крик, как первый звук, который услышала пустота после вечного молчания, и пустота вздрогнула, потому что не знала, что может быть так ярко, так горячо, так нестерпимо живо. Свет лился из Него непрерывно, заполняя пространство, разгоняя тьму, в которой Эон существовал так долго, и в этом свете было всё — и радость, и боль, и надежда, и отчаяние, и любовь, и ненависть. Потому что истинный свет не может быть только добрым

и тёплым, он может быть ослепляющим, обжигающим, невыносимым для тех, кто привык к полумраку и не готов смотреть правде в глаза.

Эон смотрел на то, что создал, и понимал, что это только половина.

Свет был прекрасен, в этом не могло быть сомнений. Он наполнял пространство теплом, делал его живым, подвижным, изменчивым. Но в этом свете не было глубины. Он освещал всё вокруг, делая каждый уголок видимым, но в этой тотальной видимости не оставалось места для тайны, для того, что скрыто от глаз, для того, что можно разгадывать бесконечно, каждый раз находя что-то новое. Свет был честен до жестокости и прозрачен до скуки, он не умел хранить секреты, потому что секреты — это дети тьмы.

И тогда Эон выпустил тьму.

Она выходила медленнее, тяжелее, неохотнее, будто не хотела покидать Его убежище, будто знала, что там, снаружи, её встретят неласково, отвергнут, попытаются уничтожить. Тьма была густой, вязкой, почти осязаемой, как кровь, которая только начала сворачиваться. Она не разгоняла свет и не боролась с ним — она просто заняла своё место, заполнила те углы, куда свет не дотянулся, и в этом заполнении была только спокойная, уверенная необходимость.

Тьма не была злой, не была враждебной, не замышляла заговоров, не плела интриг. Она была просто другой. Там, где свет открывал всё, тьма укрывала, прятала, сохраняла. Там, где свет торопился показать, тьма ждала, позволяла всему идти своим чередом. Там, где свет кричал, чтобы его услышали, тьма молчала, и в этом молчании была своя мудрость, которую невозможно передать словами, но можно почувствовать сердцем — если, конечно, сердце умеет слушать тишину.

Эон посмотрел на свет и тьму, которые теперь существовали отдельно от Него, и впервые за всё время почувствовал то, что позже назовут удовлетворением. Он не стал меньше от того, что отдал часть себя, наоборот, он почувствовал себя цельным впервые за всё время своего существования. Эон наконец-то достиг гармонии, отпустив то, что не должно было оставаться внутри.

Он был первым. Он был единственным. Он был началом всего. И теперь, когда начало было положено, он мог наблюдать, как его творения живут своей жизнью.

Свет, который Эон выпустил на свободу, не был однородной массой. В нём, как искры в раскалённом угле, вспыхивали и гасли сгустки, которые были ярче, плотнее, живее остальных. Они рождались, жили несколько мгновений и умирали, не оставляя после себя ничего, кроме воспоминания о своей вспышке. Эон заметил их не сразу — сначала они казались просто игрой света, случайностью, у которой нет ни цели, ни смысла, ни будущего.

Но чем дольше Он наблюдал, тем отчётливее видел, что эти сгустки — не просто случайность, а нечто большее, что только начинает осознавать себя. Они тянулись друг к другу, собирались в группы, образовывали комки, которые становились всё больше, всё плотнее, всё сложнее. И в этом их стремлении было что-то трогательное, почти человеческое — желание не быть одному, желание разделить своё тепло с другим.

Эон смотрел на это и не вмешивался, потому что хотел понять, хотел увидеть, сможет ли свет породить жизнь без Его прямого участия. И однажды, когда один из таких сгустков стал достаточно большим, чтобы не просто светиться, а излучать тепло и, кажется, даже думать, Он понял: это начало новой жизни. Не просто физической, которая может двигаться и расти, а духовной, которая способна чувствовать, переживать, запоминать.

Сгусток дышал. Не лёгкими, конечно — у него не было тела, не было рта, не было ноздрей, через которые проходит воздух. Он дышал светом, вбирая его в себя и выпуская обратно, и в этом дыхании была такая сосредоточенность, такая серьёзность, такое упрямство, что Эон невольно залюбовался. Этот сгусток хотел жить.

— Ты кто? — спросил Он, хотя знал, что никто не ответит, и вопрос был скорее риторическим, обращённым к самому себе, чем к этому маленькому, трепещущему комку света.

Сгусток продолжал дышать, продолжал расти, продолжал учиться быть собой.

Эон назвал его Ариэль. Это имя не было случайным — оно пришло к Нему в тот самый момент, когда впервые увидел его. Ариэль — что-то светлое, летящее, устремлённое вверх. Ариэль — тот, кто будет искать истину, даже если ему придётся пройти через тьму. Ариэль — первый, самый яркий, самый большой, и Эон чувствовал, что у него есть потенциал стать чем-то большим, чем просто комок света.

Ариэль рос. Он учился двигаться не хаотично, а целенаправленно — сначала просто перемещаться в пространстве, потом выбирать направление, потом ускоряться и замедляться по своему желанию, как птица, которая впервые пробует свои крылья. Он учился менять свою форму, становиться то плотнее, то разреженнее, принимать очертания, которые казались ему удобными, каждое новое движение было осознанным, каждое новое состояние — результатом долгих размышлений.

Эон видел в этом первые проблески разума. Не того, зрелого и осознанного, который появляется у существ, проживших долгую жизнь и накопивших много опыта, а младенческого, любопытного, жадного до нового, до неизведанного, до того, что лежит за горизонтом. Ариэль хотел знать всё. Он исследовал пространство вокруг себя, касался других сгустков, изучал их природу, пытался понять, почему одни ярче, другие тусклее, почему одни исчезают почти сразу, не успев разгореться, а другие живут дольше.

Он был учёным, который ещё не умеет говорить, но уже умеет задавать вопросы. И эти вопросы были глубже, чем казалось на первый взгляд.

Однажды, когда Ариэль достаточно окреп, чтобы существовать самостоятельно, не нуждаясь в постоянной поддержке Эона, Создатель позвал его к себе. Ариэль подлетел и замер перед Ним, трепеща, как пламя свечи на ветру, готовое вот-вот погаснуть, но продолжающее гореть вопреки всему.

— Ты будешь первым, — сказал Эон, и в Его голосе не было приказа, только констатация факта, только признание того, что этот сгусток уже давно заслужил своё место. — Ты будешь хранителем света. Не потому, что я так хочу, и не потому, что я тебя назначаю, а потому, что ты сам к этому стремишься, потому что твоя природа — это свет, и отрицать её было бы глупо и бессмысленно.

Ариэль не ответил, но Эон почувствовал, как его свет стал теплее, ровнее, увереннее. Это было молчаливое согласие.

И тогда Эон создал для Ариэля тело из его света, из его тепла, из его желания быть и стать. Тело получилось высоким, стройным, с длинными руками и ногами, с лицом, на котором ещё не застыло ни одно выражение, но которое уже могло улыбаться и хмуриться. За спиной выросли крылья.

Ариэль посмотрел на свои руки, пошевелил пальцами, расправил крылья и улыбнулся. В этой улыбке не было ничего человеческого — она была чище, прозрачнее, ярче, — но в ней уже угадывалось то, что позже назовут радостью.

Пока Ариэль рос, учился и радовался жизни, тьма тоже не стояла на месте. В ней, как в густом тумане, сгущались и распадались тени — тяжёлые, почти осязаемые, с трудом различимые даже для Эона, который мог видеть то, что скрыто от глаз других. Они не стремились к свету и не избегали его, не пытались ни с кем общаться, не искали тепла. Они просто существовали, и этого существования было достаточно, чтобы тьма не была пустой.

Самый большой сгусток тьмы держался особняком. Он не взаимодействовал с другими, не собирался в комки, не пытался расти — он просто был, и в этом «быть» чувствовалась такая

сила, такое упрямство, что Эону стало жизненно необходимо понять, что скрывается за этой непроницаемой оболочкой.

Он наблюдал за этим сгустком дольше, чем за Ариэлем. Со светом всё казалось ясным: он стремился к другим, он был открытым, хотел делиться собой, как ребёнок, который протягивает игрушку незнакомцу в надежде подружиться. Тьма была замкнутой, скрытной, не терпящей вторжения. Она не отвечала на прикосновения, не реагировала на тепло, не стремилась к общению.

Эон мог бы заставить её. Мог бы принудить, подчинить, вылепить из неё то, что хотел бы видеть, не спрашивая её согласия. Но Он не стал этого делать, потому что насилие над сутью никогда не приводит ни к чему хорошему. Он ждал. Долго. Терпеливо. Как отец, который смотрит на своего упрямого сына и знает, что рано или поздно тот сделает шаг сам, без подсказок и принуждения.

И однажды этот шаг случился.

Сгусток тьмы дрогнул. Внутри него созрело понимание, которое не поддаётся объяснению. Он понял, что одиночество — это не защита, как думал раньше, а тюрьма, в которой он запер себя сам, даже не заметив этого. Он не хотел быть как Ариэль, не хотел светиться, не хотел общаться с другими, но он хотел существовать осознанно, хотел понимать себя, найти своё место в этом мире, который был создан для него так же, как и для света.

Эон позвал его тихим, почти беззвучным импульсом, который означал: «Я здесь. Я вижу тебя. Я готов принять тебя таким, какой ты есть, без условий и оговорок».

Сгусток тьмы подошёл медленно, неохотно, как зверь, который ещё не решил, стоит ли доверять человеку, протянувшему руку. Он остановился на расстоянии, которое казалось ему безопасным, и замер.

— Ты будешь первым, — сказал Эон, и в Его голосе не было давления, только признание того, что этот сгусток достоин не меньше, чем первый. — Ты будешь хранителем тьмы. Потому что твоя природа — это темнота, и без тебя свет потеряет свою глубину.

Сгусток молчал. Эон чувствовал его сомнения, его страхи, его нежелание меняться — и в то же время чувствовал и другое. Глубоко внутри, там, куда не проникал даже Его взгляд, теплилось что-то, похожее на надежду, или на любопытство, или на желание доказать себе, что он может быть больше, чем просто тень, больше, чем просто отсутствие света.

— Я не буду заставлять тебя, — добавил Эон. — Если ты хочешь остаться таким — оставайся. Я не обижусь, не разочаруюсь. Просто приму твой выбор.

Сгусток тьмы снова дрогнул. И на этот раз в его движении появилось что-то новое — решимость.

Сгусток начал меняться. Медленно, почти незаметно, он обретал собственную, удобную для него, правильную для него форму. Тело получилось коренастым, сильным, с широкими плечами и тяжёлыми руками. Крылья тёмные, почти чёрные, с металлическим отливом, сложенные за спиной, готовые расправиться в любой момент, когда понадобится. Лицо — острое, с высокими скулами и глубоко посаженными глазами, в которых не было света, но была такая глубина, что в ней можно было утонуть, потеряться, найти себя заново.

Эон спросил:

— Как тебя назвать?

Сгусток подумал. Долго. Так долго, что Эон уже решил, что он не ответит. Но потом в сознании Эона прозвучало имя.

— Малхиор.

Это имя было тяжёлым, как камень, и твёрдым, как сталь. В нём слышалась сила и одиночество, и готовность защищать то, что дорого, даже если дорого совсем немного, и даже если защита эта будет стоить жизни.

Эон кивнул. Ему понравилось это имя. Оно не было красивым в привычном смысле — в нём не было лёгкости, полёта, прозрачности.

Малхиор посмотрел на Ариэля, который стоял в отдалении, и просто кивнул один раз, коротко, почти незаметно. Тень поклона. Обещание того, что они будут не врагами, не соперниками, не конкурентами, а чем-то другим, для чего у Эона ещё не было слов, потому что таких отношений не существовало до этого момента.

Ариэль кивнул в ответ. В его глазах был только интерес и лёгкое, едва заметное уважение к тому, кто стал его противоположностью.

Так встретились первый ангел и первый демон.

Они не полюбили друг друга с первого взгляда. Любовь — слишком простое слово для того, что возникло между ними, слишком человеческое, чтобы описывать отношения существ, которые были больше, чем люди, и одновременно меньше, потому что они ещё не знали, что такое страсть, ревность, прощение. Скорее, это было узнавание. Каждый из них увидел в другом ту часть целого, которой не хватало ему самому, и это узнавание было глубже любой любви, потому что оно было основано не на эмоциях, а на сути.

Ариэль увидел в Малхиоре глубину, которой не мог дать свет, и понял, что без этой глубины его собственное существование было бы плоским, одномерным, неинтересным. Малхиор увидел в Ариэле тепло, которого не могла дать тьма, и осознал, что без этого тепла его одиночество было бы не защитой, а проклятием.

Они начали проводить время вместе. Сначала их пути пересекались случайно на границе света и тьмы, и они не могли разойтись, не обменявшись хотя бы парой слов. Потом они искали друг друга, ждали, скучали, хотя ещё не знали, что это чувство называется скукой. Ариэль рассказывал о том, что видел, о новых сгустках света, которые рождались и умирали, о своих сомнениях и страхах, о том, что его тревожило и радовало. Малхиор слушал и иногда вставлял свои замечания, потому что его взгляд на мир отличался от Ариэля, и это отличие было ценно само по себе.

Они спорили. Иногда подолгу, до хрипоты, до того, что их споры переходили в драки, а драки в долгое, обиженное молчание, которое потом сменялось примирением без слов. Ариэль утверждал, что без света нет жизни, что тьма — это просто отсутствие чего-то, пустота, которую нужно заполнять, иначе она затянет всё в свою воронку. Малхиор возражал: без тьмы свет был бы невыносим, он ослеплял бы, не оставляя места для тайны, для отдыха, для тишины, для того, чтобы просто быть, а не действовать.

Они не приходили к единому мнению. Споры не рождали истину — они рождали вопросы, а вопросы рождали новые споры, и это было бесконечно, как сама жизнь. Но каждый их спор делал их ближе, потому что они учились слушать, уступать, признавать правоту другого, а это — основа любого союза, будь то дружба, любовь или что-то третье, для чего у людей до сих пор нет названия и вряд ли когда-нибудь появится.

Эон наблюдал за ними и радовался. Он не вмешивался в их отношения, не подсказывал, не направлял, не давал готовых ответов — Он просто был рядом. Иногда Ариэль и Малхиор обращались к Нему с вопросами, искали у Него поддержки или совета, но Он отвечал не прямо, а намёками, загадками, недомолвками, потому что знал: готовые ответы не учат думать. Только те, которые нужно добывать самому, преодолевая трудности и сомнения, становятся частью тебя, входят в плоть и кровь.

Со временем Ариэль и Малхиор научились не только разговаривать друг с другом, но и молчать вместе. Это было труднее, чем казалось со стороны — в молчании проступало то, что словами не выразить: страхи, сомнения, надежды, которые стыдно произносить вслух. Они сидели рядом на краю пустоты, смотрели на то, как свет и тьма перетекают друг в друга, создавая причудливые узоры, и чувствовали себя частью чего-то большего, чем они сами.

Эон назвал это равновесием. Не тем, которое можно измерить весами, а тем, которое чувствуется сердцем.

Ариэлю и Малхиору стало тесно в пустоте. Пространства было сколько угодно, можно было лететь хоть вечность и не встретить ни одной границы, но духовно им было тесно, как птице в клетке, даже если клетка эта размером с целый мир. Им хотелось создать что-то своё, что-то, что отражало бы их природу, что-то, что осталось бы после них, когда они уйдут (хотя они не знали, уйдут ли они когда-нибудь, и возможно ли это вообще).

Ариэль первым предложил построить дом для света. Для тех, кто придёт после, для тех, кто будет рождаться из света и нуждаться в месте, где светло всегда, где нет ночи, где даже тени отбрасывают только самые плотные предметы, а всё остальное тонет в сиянии.

Малхиор выслушал его и сказал:

— Тогда я построю дом для тьмы. Там, куда свет не проникает, где можно думать, не боясь, что мысли украдут.

Ариэль сначала не понял. Зачем тьме дом? Разве тьма не везде? Но потом он вспомнил, как сам иногда уставал от собственного света, как ему хотелось просто закрыть глаза и не видеть ничего, как хотелось тишины, а не вечного пения, которое сопровождало его повсюду, как тень, от которой нельзя убежать.

Они начали строить вместе, потому что граница между светом и тьмой была не местом разрыва, а местом встречи, мостом, соединяющим два берега одной реки. Ариэль создавал стены, которые пронизывал своим светом, делая их прозрачными, почти невидимыми, но прочными, такими, что никакая тьма не могла их разрушить. Малхиор заполнял пустоты, создавал глубину, добавлял оттенки, которые были не видны при ярком освещении, но проступали в полумраке, как узоры на старом, потёртом металле.

Так появились Небеса. Не как противоположности, не как враждующие лагеря, а как две половины одного целого. Как день и ночь, которые не враги, а партнёры, сменяющие друг друга, чтобы мир не устал.

Эон посмотрел на то, что создали Его дети, и улыбнулся — впервые за всё время.

— Вы поняли, — сказал Он. — Вы поняли самое главное.

Глава 2. Пепельная горлица

До того, как появилась эта птица, ангелы и демоны жили не так, как потом. Нельзя сказать, чтобы они дружили — слишком разными они были, слишком по-разному смотрели на мир, слишком по-разному чувствовали его. Но и врагами их тоже нельзя было назвать. Скорее, они были соседями, которые иногда заходили друг к другу в гости, иногда спорили до хрипоты, иногда мирились без слов, а иногда просто сидели рядом и молчали, потому что в этом молчании было что-то, чего не хватало, когда они находились порознь.

Ариэль, первый ангел, тот, кто вышел из света раньше всех, часто навещал Малхиора в его владениях. Ему нравилась тишина — не та, пугающая, которая заставляет сердце биться быстрее, а та, глубокая, в которой можно наконец-то услышать себя. В его пространстве всегда было шумно — ангелы пели, смеялись, спорили, обсуждали, и иногда этот шум утомлял его так, что хотелось просто закрыть глаза и зажать уши, чтобы никто не трогал, не звал, не задавал вопросов.

Малхиор, первый демон, тот, кто вышел из тьмы в тот самый момент, когда свет уже почти заполнил всё вокруг, иногда поднимался к Ариэлю. Ему нравилось тепло, которое разливалось по телу, когда он находился среди ангелов, нравилось, как их свет касался его тени, делая её мягче, не такой резкой и пугающей. В его месте было слишком тихо, слишком пусто, слишком одиноко, и хотя Малхиор никогда не признался бы в этом вслух, иногда эта тишина давила на него так сильно, что он готов был бежать куда угодно, лишь бы услышать чужой голос.

Они были разными. Они были противоположностями. И именно поэтому они тянулись друг к другу, как тянутся друг к другу берега одной реки, разделённые водой, но соединённые общим течением.

Никто не знает, когда именно всё начало меняться. Может быть, первые трещины появились тогда, когда ангелов и демонов стало слишком много — уже не двое, не десять, а сотни, тысячи, и каждый из них хотел быть услышанным, каждый хотел доказать, что его путь — правильный, а путь другого — ошибочный. Может быть, проблема была в том, что Ариэль и Малхиор, занятые своими новыми подопечными, перестали уделять время друг другу, и расстояние между их мирами росло не только в пространстве, но и в сердцах.

А может быть, всё началось с простой случайности — кто-то из ангелов задел крылом кого-то из демонов, кто-то из демонов ответил слишком резко, кто-то из ангелов принял эту резкость за оскорбление, и понеслось.

Так или иначе, напряжение копилось годами. Ангелы стали реже навещать демонов и наоборот. Вместо диалогов появились слухи, вместо слухов — обвинения, вместо обвинений — ненависть, которая не знала ни границ, ни причин, ни оправданий.

И в этот момент, когда напряжение достигло предела, случилось то, что случилось.

Один демон погубил одного ангела.

Грехами.

Тогда этого слова ещё не знали — его придумают позже, люди, которым понадобится имя для того, что разъедает душу изнутри. Но сам грех уже был. Демон, имя которого никто не запомнил, окружил ангела такими соблазнами, такими обещаниями, такой ложью, что тот не устоял. Свет внутри него начал меркнуть, сворачиваться, гаснуть. Ангел падал долго — не физически, а духовно, и в этом падении было что-то страшное, потому что он не кричал, не звал на помощь, просто смотрел перед собой пустыми глазами и ждал, когда всё кончится.

Демон не убивал его руками. Ему не пришлось. Ангел умер сам — от стыда, от отчаяния, от того, что не смог простить себя.

И в тот самый момент, когда его свет погас окончательно, из места, где он упал, взметнулась вверх тень. Не обычная — живая, трепещущая, с глазами, в которых горело что-то, похожее на скорбь.

Это была пепельная горлица.

Она родилась из греха и смерти, из того, что не должно было случиться, но случилось. Её оперение было цвета пепла после пожара — серое, с серебристым отливом, переливающимся на свету, которого в тот момент почти не было. На груди — алое пятно, похожее на каплю крови, которая не засыхала, не застывала, просто была, напоминая о том, какой ценой появилась эта птица на свет.

Она не закричала. Она даже не пискнула, просто расправила крылья и полетела.

Над нейтральными землями, где ангелы и демоны когда-то встречались, чтобы поговорить, прежде чем разойтись в разные стороны. Она летела низко, почти касаясь земли, и там, где пролетала, стихали споры, затихали крики, прекращались драки.

Ангелы смотрели на неё и не понимали, что это. Демоны чувствовали то, что не могли объяснить. Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то просто замирал на месте и смотрел, как эта странная птица, которой никогда не было раньше, пересекает границы, которых тоже раньше не было.

Она облетела все владения — и те, что принадлежали ангелам, и те, что принадлежали демонам, и те, что были ничьими. И когда она вернулась на место, где родилась, и села на камень, чтобы отдохнуть, случилось непоправимое.

Ангелы и демоны разошлись.

Не просто перестали общаться — они разошлись по разным территориям и объявили их своими. Ариэль собрал своих подопечных и увёл их туда, где было больше света, где не было места тьме, где даже тени казались им подозрительными. Малхиор сделал то же самое — увёл демонов в глубину, туда, где свет не проникал, где можно было укрыться от любопытных глаз и не бояться, что твои мысли украдут.

Так появились Ад и Рай. Не как прекрасные миры, которые опишут потом поэты, а как убежища для тех, кто больше не хотел иметь ничего общего с соседом.

Сотни лет они враждовали. Не каждый день, не каждый час, но постоянно, без перерывов и выходных. Сначала это были мелкие стычки на границах — кто-то залетел на чужую территорию, кто-то отказался уходить, кто-то бросил камень, кто-то ответил крылом. Потом стычки переросли в битвы, битвы — в войны, войны — в ненависть, которая передавалась из поколения в поколение, от старших к младшим, от опытных к новичкам.

Ангелы учили своих детей бояться демонов. Демоны учили своих детей ненавидеть ангелов. И в этом обучении не было ни злого умысла, ни желания манипулировать — просто каждый из них искренне верил, что другая сторона опасна, что контакт с ней приведёт к гибели, что лучше держаться подальше и не рисковать.

Пепельная горлица сидела на камне на нейтральной территории и смотрела. Она не вмешивалась, не пыталась остановить войну — она просто была. Иногда она взлетала и кружила над полем битвы, но никто не обращал на неё внимания, потому что все были слишком заняты.

Так прошло несколько сотен лет. Исчезли те, кто помнил времена, когда ангелы и демоны были соседями, а не врагами. Появились новые, для которых война была единственной реальностью, которую они знали с рождения.

Равновесие нарушилось. И это почувствовал Тот, кто был в начале.

Эон.

Он пришёл не как владыка, не как судья, не как карающая десница. Он пришёл как тот, кто устал. И эта усталость была видна даже тем, кто никогда не видел Его раньше.

Он пришёл тихо.

Не было грома. Не разверзлись небеса. Мир не раскололся надвое, как рассказывают в легендах.

Но в тот миг, когда Эон ступил на нейтральную землю, всё живое замолчало.

Не потому, что испугалось.

Потому что рядом с Ним любой звук казался неправильным.

Ветер стих первым. Потом перестали дрожать крылья ангелов. Где-то вдалеке оборвался чужой крик — резко, будто тому, кто кричал, внезапно стало стыдно нарушать тишину Его присутствия.

А потом ангелы и демоны почувствовали это.

Ту самую тяжесть под рёбрами, от которой невозможно вдохнуть полной грудью.

Не страх.

Нечто гораздо страшнее.

Осознание собственной малenessи.

Эон выглядел почти просто. Высокий, худой, в светлых одеждах без украшений. Но взгляд соскальзывал с Него снова и снова, будто сознание не могло удержать Его облик целиком. Казалось, лицо Эона меняется каждое мгновение — то юное, то бесконечно старое, то прекрасное до боли, то настолько печальное, что хотелось плакать.

Никто не смел смотреть Ему в глаза долго.

Потому что в Его глазах каждый видел себя настоящего.

Не тело.

Не лицо.

Не имя.

Душу.

И это было невыносимо.

Один молодой ангел упал на колени первым. Не потому, что его заставили — просто ноги перестали держать его. Следом опустился второй. Потом демон, который ещё несколько минут назад был готов убивать.

Вскоре стояли только Ариэль и Малхиор.

Да и то лишь потому, что Эон когда-то держал их в Своих ладонях, когда они ещё не умели существовать самостоятельно.

Пепельная горлица вспорхнула и села Ему на плечо, как садятся птицы на ветви древнего дерева.

И тогда все окончательно поняли:

Создатель пришёл.

Эон не был величественным в том смысле, который вкладывают в это слово люди. У Него не было сияющей короны, не было ослепительных одежд, не было грозного голоса, от которого закладывает уши. Он выглядел почти обычным — высоким, худым, с бледным лицом и глубоко посаженными глазами, в которых не было ни гнева, ни угрозы, только усталость и печаль.

Он появился на нейтральной территории, на том самом камне, где когда-то сидела горлица. Птица взлетела, уселась Ему на плечо, и это было знаком, которого ангелы и демоны не могли не заметить.

Первыми Его увидели разведчики. Они замерли, опустили оружие, смотрели на Него и не знали, что делать. Потом кто-то из них побежал докладывать, кто-то просто стоял и смотрел, не в силах отвести взгляд.

Ариэль прилетел первым. Он узнал Эона сразу — не по лицу, не по голосу, а по тому чувству, которое разлилось внутри, когда Он приблизился. Это было похоже на возвращение домой после долгой разлуки, на первый тёплый день после холодной зимы, на свет, который видишь после долгого пребывания в темноте.

Малхиор пришёл вторым. Он шёл, тяжело ступая по земле, и в каждом его шаге чувствовалась нерешительность, смешанная с надеждой. Он тоже узнал Эона, и это узнавание причиняло боль — не физическую, а ту, глубокую, которая сидит где-то под рёбрами и ноет, когда вспоминаешь о том, что потерял.

Ариэль и Малхиор не смотрели друг на друга. Они стояли по разные стороны от Эона, и расстояние между ними казалось непреодолимым, хотя их разделяли всего несколько шагов.

— Дети мои, — произнёс Эон, и голос Его был тихим, почти шёпотом, но слышали все — и ангелы, и демоны, птицы в небе, даже камни под ногами. — Дети мои, что вы делаете?

Никто не ответил. Ариэль смотрел в землю. Малхиор смотрел в небо. Ангелы и демоны, собравшиеся на безопасном расстоянии, замерли, не зная, чего ожидать.

— Я создал вас не для этого, — продолжил Эон. — Я создал вас не для войны. Я создал вас не для ненависти. А для того, чтобы вы жили, чтобы вы творили, чтобы вы росли.

Он замолчал на несколько секунд, и в этой тишине слышно было, как бьются сердца тысяч существ, собравшихся вокруг.

— Посмотрите на меня, — сказал Он.

Ариэль поднял голову. Малхиор опустил взгляд. И оба посмотрели на Эона, и оба увидели то, чего не замечали раньше.

Он был слаб. Он терял свою сущность. Его тело, которое никогда не было физическим, становилось прозрачным, почти невесомым, как туман, который рассеивается на рассвете.

— Я исчезаю, — сказал Эон спокойно, будто речь шла не о Нём, а о ком-то постороннем. — Вы, ваша ненависть, ваша война — вы убиваете меня. Каждый раз, когда ангел убивает демона, я становлюсь меньше. Каждый раз, когда демон убивает ангела, я слабею. Потому что вы — мои дети. Потому что вы — часть меня. И когда одна часть уничтожает другую, уничтожается и целое.

Ариэль сделал шаг вперёд.

— Но они — начал он и замолчал, потому что не знал, как закончить.

— Я знаю, — сказал Эон. — Я знаю всё. Знаю, как погиб тот ангел, как родилась эта птица. Я знаю, сколько крови пролито за эти сотни лет, сколько слёз. И я говорю вам: этого не должно было случиться. Но случилось. И теперь это — часть вас. И вы должны научиться жить с этим.

Малхиор тоже сделал шаг в сторону, чтобы видеть и Эона, и Ариэля одновременно.

— Как? — спросил он. — Как нам жить с этим, если каждый раз, когда мы видим друг друга, мы вспоминаем тех, кто погиб?

— А вы попробуйте вспоминать не только тех, кто погиб, — ответил Эон. — Вспомните тех, кто жил. Вспомните тех, кто любил. Вспомните времена, когда вы не были врагами.

— Мы не помним их, — отрезал Ариэль.

— Тогда поверьте мне, — сказал Эон. — Поверьте, что они были. Поверьте, что они могут вернуться. Поверьте, что вы можете жить в мире.

В этот момент пепельная горлица, которая всё это время сидела на плече Эона, взлетела и сделала круг над собравшимися. И там, где пролетали её крылья, напряжение спадало, злость уходила, сменяясь чем-то другим — может быть, надеждой, может быть, любопытством, может быть, просто усталостью, которая делает людей мудрее.

Ангелы и демоны опустили оружие. Не все, не сразу, но опустили.

Эон сел на камень и жестом пригласил Ариэля и Малхиора сесть рядом.

— Я расскажу вам одну вещь, — начал Он. — Слушайте и запоминайте. Не потому, что я так хочу, а потому, что это знание может спасти вас.

Создатель замолчал на несколько секунд, собираясь с мыслями.

— Всё, что живёт, когда-нибудь умирает. Это не наказание. Это не проклятие. Это — закон. Цикл. Начало и конец, которые неразрывно связаны друг с другом, как свет и тьма, как вдох и выдох.

Ариэль хотел что-то сказать, но Эон остановил его жестом.

— Дай мне закончить. Вы можете убивать друг друга. Это страшно. Это больно. Но это не конец света. Потому что смерть одного не означает смерть всех.

— Как это может быть не концом света? — спросил Малхиор. — Мы теряем тех, кто нам дорог.

— Вы теряете их физически, — ответил Эон. — Но не духовно. Пока вы помните, они живы. Пока вы учитесь на их ошибках, они живут. Пока вы продолжаете их дело, они не исчезают.

Эон поднял руку, и на Его ладони зажгётся маленький огонёк. Не свет и не тьма — что-то среднее, серое, мерцающее, как пламя свечи на ветру.

— Свет может погаснуть, — сказал Он. — Но тьма, которая остаётся после него, не пуста. В ней — память о том, что было. В ней — возможность для нового света.

Он переложил огонёк на другую ладонь, и цвет его изменился — стал темнее, почти чёрным.

— Тьма может рассеяться, — продолжал Он. — Но свет, который приходит ей на смену, не слеп. Он видит, что было до него. Он знает, что тьма была не врагом, а учителем.

Эон сжал пальцы, и огонёк исчез, но в воздухе ещё несколько секунд висело его мерцание, напоминая о том, что только что было.

— Когда ангел убивает демона, он убивает не врага, а часть себя, — сказал Эон. — Потому что в каждом демоне есть частица света — иначе он не мог бы существовать. Без света даже тьма была бы пустой, бессмысленной, мёртвой.

Он повернулся к Ариэлю.

— Ты знаешь, что в твоих ангелах есть тьма? Та, которая позволяет им сомневаться, уставать, грустить. Без этой тьмы они были бы не живыми существами, а куклами, которые двигаются по команде.

Ариэль опустил голову.

— Я знаю, — ответил тихо ангел.

— И ты, — Эон повернулся к Малхиору. — Ты знаешь, что в твоих демонах есть свет? Не тот, который ослепляет, а тот, который даёт им надежду, любовь?

Малхиор кивнул.

— Да, — сказал демон. — Я знаю.

— Тогда зачем вы убиваете друг друга? — спросил Эон. — Зачем вы уничтожаете то, что делает вас живыми?

— Мы боимся, — ответил Ариэль.

— Чего?

— Того, что мы потеряем себя. Что тьма поглотит нас.

— А вы? — Эон посмотрел на Малхиора.

— Мы боимся, что свет ослепит нас, — сказал Малхиор. — Что мы перестанем видеть себя настоящих.

Эон покачал головой.

— Вы боитесь того, что уже есть в вас, — сказал Он. — Вы боитесь своей собственной природы. Это глупо. Это бессмысленно. Это убивает вас быстрее, чем любая война.

Он поднялся с камня, и ангелы и демоны, стоявшие в отдалении, замерли, боясь пропустить хоть слово.

— Смерть — это не конец, — сказал Эон. — Смерть — это переход. Когда ангел убивает демона, он не уничтожает тьму — он лишает себя возможности понять её. Когда демон убивает ангела, он не уничтожает свет — он лишает себя надежды.

Эон обвёл руками горизонт, где смешивались границы их миров.

— Вы можете убивать. Это ваш выбор. Но знайте: каждый раз, когда вы убиваете, вы убиваете часть себя. Каждый раз, когда вы ненавидите, вы ненавидите себя. Каждый раз, когда вы воюете, вы воюете с собой.

Он замолчал, и в этой тишине слышно было, как бьются сердца тысяч существ.

— Я не запрещаю вам убивать, — сказал Он наконец. — Я не запрещаю вам ненавидеть. Я не запрещаю воевать. Но я прошу вас: прежде чем сделать это, вспомните, что вы — одно. Что ваша война — это самоубийство. Что ваша ненависть — это ненависть к себе.

Эон шагнул назад, и его тело стало ещё более прозрачным, почти невидимым.

— Я уйду, — сказал Он. — Не потому, что я сержусь. Я уйду, потому что вы больше не нуждаетесь во мне. Вы выросли. Вы можете выбирать сами.

— Не уходи, — прошептал Ариэль.

— Не уходи, — повторил Малхиор.

Эон улыбнулся — той улыбкой, которая не требует губ, потому что она рождается в сердце.

— Я всегда с вами, — сказал Он. — Даже когда вы меня не видите. Даже когда вы забываете о моём существовании. Я — та часть вас, которая хочет жить в мире. Не заглушайте её, не убивайте.

И Он исчез.

Не растаял в воздухе, не улетел, не испарился — просто перестал быть видимым. Но ангелы и демоны чувствовали, что Он рядом, и это чувство не проходило ещё долгие годы.

Ариэль и Малхиор стояли на том месте, где только что был Создатель, и не знали, что делать дальше. Сотни лет ненависти не могли исчезнуть за один разговор, каким бы мудрым он ни был.

Первым заговорил Ариэль.

— Я не хочу больше воевать, — произнёс он. — Я не хочу терять своих ангелов. Я не хочу терять себя.

Малхиор молчал несколько секунд, а потом спросил:

— А что ты предлагаешь?

— Мир, — ответил Ариэль. — Не любовь, не дружбу, не единение. Просто мир. Мы живём отдельно. Мы не мешаем друг другу, но и не убиваем.

Малхиор долго смотрел на него, вглядываясь в лицо того, кто когда-то был его единственным другом, а потом стал врагом, и пытался понять, не ловушка ли это, не обман ли, не очередной ход в бесконечной войне.

— А если кто-то нарушит мир? — спросил демон.

— Тогда мы будем разбираться вместе, — сказал Ариэль. — Не убивая. Просто — разбираться.

Малхиор кивнул.

— Хорошо.

Они пожали друг другу руки как два лидера, которые устали воевать и готовы попробовать что-то новое.

Ангелы и демоны, наблюдавшие за ними, не знали, радоваться или бояться. Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то просто сидел на земле и смотрел в небо, где уже не было видно Эона, но всё ещё чувствовалось Его присутствие.

Так было заключено перемирие.

Никто не знал, сколько оно продлится. Может быть, год. Может быть, десять лет. Может быть, вечность. Но в тот момент это было не важно. Важно было то, что кровь перестала литься, что крылья перестали ломаться, что дети перестали рождаться сиротами.

Пепельная горлица, которая всё это время сидела на камне, взлетела и сделала круг над Ариэлем и Малхиором. И в этом круге было что-то похожее на благословение.

Они не стали жить вместе, это было бы слишком для тех, кто ещё вчера убивал друг друга. Разделить одну территорию означало бы постоянное напряжение, постоянный страх, постоянное ожидание удара. Поэтому они договорились так: у ангелов — свои земли, у демонов — свои, а между ними — нейтральная полоса, где никто не имеет права появляться без приглашения.

Границ не было в том смысле, в котором их понимают люди. Не было стен, не было заборов, не было охраны. Было просто взаимное согласие: «Это ваше, это наше, а это ничьё. Не переступай».

И это работало. Не идеально, не без проблем, но работало. Ангелы редко залетали на территорию демонов, демоны редко поднимались в Рай. А если и случалось такое, то это было событие, которое обсуждали неделями, потому что оно было редким.

Через несколько лет после заключения перемирия кто-то из ангелов предложил отмечать эту дату как день, когда они вспоминают о том, что могут жить без войны.

Ариэлю идея понравилась. Малхиору — не очень. Он не любил праздники, не любил шум, не любил, когда много народу собиралось в одном месте. Но понимал, что это важно для тех, кто ещё не забыл вкус крови.

Они договорились проводить бал раз в год.

Место выбирали нейтральное — там, где когда-то стоял Эон, где родилась пепельная горлица, где ангелы и демоны впервые опустили оружие. Строили огромный зал из света и тьмы, Ариэль создавал стены, Малхиор — тени, и в этом их совместном творчестве было что-то, напоминавшее старые времена, когда они ещё не были врагами.

На бал приглашали всех — и высших, и низших, и тех, кто занимал важные посты, и тех, кто просто хотел танцевать. Ангелы учили демонов своим танцам, демоны учили ангелов своим. Они смеялись, спорили, мирились, расходились по углам и снова сходились в центре зала.

Пепельная горлица всегда прилетала на этот бал. Она садилась на самый высокий столб, который специально для неё установили в центре зала, и смотрела сверху на танцующих. Никто не знал, зачем она это делает — может быть, чтобы напомнить о том дне, когда всё началось, может быть, чтобы благословить тех, кто пришёл, а может быть, просто потому, что ей нравилась музыка и свет свечей.

Говорят, что тот, кто танцевал с горлицей на плече, в следующем году обязательно встречал свою судьбу. Тот, кто обижал её, вскоре погибал. Говорят, что она выбирала только одного на весь вечер и улетала, когда заканчивался последний танец.

Говорят многое. Но правда в том, что пепельная горлица никогда ни с кем не танцевала. Она просто смотрела и ждала.

Так прошло много лет. Сменялись поколения ангелов и демонов, забывались старые обиды, рождались новые надежды. Границы между мирами становились тоньше, но не исчезали. Бал проводили каждый год, и каждый год пепельная горлица сидела на своём столбе и смотрела.

Никто уже не помнил точно, как она появилась. Одни говорили, что её создал Эон в тот самый момент, когда ангелы и демоны впервые подняли руки друг на друга. Другие — что она родилась из крови того самого ангела, которого погубил грехами демон. Третьи — что это сама совесть мира, которая приняла облик птицы, чтобы напоминать о том, что нельзя забывать.

Люди, которые к тому времени уже появились на свет, узнали про эту птицу от ангелов и демонов. Они дали ей имя, которое запомнили навсегда: пепельная горлица. И они знали: если она прилетает — значит, скоро что-то изменится. Неважно, к лучшему или к худшему.

Глава 3. Устройство миров

Демоны первыми оглядели свои новые владения. Это были не те земли, которые они знали раньше, когда границы между мирами были прозрачными и можно было переходить из Рая в Ад, не спрашивая разрешения. Теперь их территория стала глубже, темнее, плотнее — будто сама тьма сгустилась, чтобы защитить своих детей от света, который больше не был безопасным. Ад простирался под землёй, уходя вниз на много уровней, и каждый следующий был темнее предыдущего, холоднее, безмолвнее.

Первые уровни ещё помнили свет — там иногда пробивались бледные огоньки, похожие на те, что горят в ночи на Земле. Но чем глубже, тем тише становилось, тем тяжелее воздух, тем гуще тени, и на самых нижних уровнях даже демоны не решались появляться без крайней необходимости, потому что тьма там была не просто отсутствием света, а чем-то живым, дышащим, почти разумным.

Малхиор, первый демон, который вышел из тьмы в самом начале, когда Эон только разделил себя, долго бродил по этим уровням, прислушивался к тому, как пространство отзывается на его шаги, и понимал, что одному ему не справиться. Ад был слишком большим, слишком сложным, слишком опасным для того, чтобы один демон мог управлять им в одиночку. Нужен был кто-то, кто возьмёт на себя ответственность за порядок, за законы, за защиту границ.

Демон созвал совет старейшин — тех, кто помнил ещё Эона, кто видел, как рождался свет и тьма, кто был свидетелем первых битв и первых потерь. Они собрались на самом глубоком уровне, где даже воздух застывал в ожидании, и стали говорить о том, кому быть главным.

Мнения разделились. Одни предлагали Малхиора — он был первым, он был самым сильным, он имел право по праву рождения. Другие возражали: Малхиор слишком привязан к прошлому, он помнит времена, когда ангелы и демоны были соседями, и это воспоминание делает его мягким, неспособным на жестокость, которая может потребоваться для защиты Ада. Третьи предлагали выбрать кого-то из молодых, тех, кто не знал мира и не тосковал по нему, кто умел только воевать и не умел прощать.

Споры длились несколько дней или недель, в Аду время текло иначе, и никто не мог сказать точно. В конце концов Малхиор поднял руку, и все замолчали.

— Я не хочу быть правителем, — сказал он. — Я хочу быть тем, кто защищает. Но для защиты нужны законы, а для законов — тот, кто будет следить за их исполнением. Я предлагаю Сатану.

Сатана был не самым старым и не самым сильным. Он был тем, кто умел слушать и слышать, кто мог примирить спорщиков, не повышая голоса, кто знал, когда нужно наказать, а когда — простить. Он был справедлив, и эта справедливость не была ни мягкой, ни жестокой — она была просто справедливостью, без примесей.

Демоны переглянулись. Многие знали Сатану, многие уважали его, но никто не рассматривал его как кандидата. Малхиор увидел их сомнения и добавил:

— Вы боитесь, что он будет слишком мягок? Посмотрите на него. Он не мягок. Он просто не тратит силы на то, что неважно. А важна для него защита Ада. И он будет защищать его так, как никто другой.

Сатана молчал. Он не рвался к власти, не искал её, не просил. Но когда Малхиор назвал его имя, он почувствовал, что это правильно, потому, что видел, как разрознены демоны, как они теряют себя в ненависти и страхе, как им нужен кто-то, кто скажет: «Стоп».

Демоны проголосовали. Многие были против, — но большинство сказала «да». Так Сатана стал правителем Ада.

Он просто встал во главе совета и начал работать. Сатана устанавливал законы, разбирал споры, наказывал виновных и защищал невиновных. Его суд был быстрым и справедливым — не потому, что он торопился, а потому, что он видел суть, а не форму.

Многие демоны не любили его. Слишком правильным он был для них. Но они уважали его, потому что знали: если Сатана сказал — значит, так и будет.

Когда Эон создавал свет и тьму, он вложил в них не только сущность, но и потенциал для роста. Демоны не рождались такими, какими становились потом — они росли, менялись, набирались опыта, и в этом их развитии была одна особенность, которую заметили не сразу, но которая потом стала главным законом их существования.

До двадцати пяти лет демоны росли как люди. Они учились контролировать свою тьму, понимать её, использовать. Они ошибались, падали, поднимались, сомневались, искали себя. В этом возрасте они были уязвимыми, почти как люди.

В двадцать пять лет происходило то, что демоны называли пробуждением. Тело переставало стареть — этот процесс останавливался навсегда, и демон обретал ту форму, в которой ему суждено было существовать вечно. Кто-то становился выше и шире в плечах, кто-то сохранял хрупкое, почти человеческое телосложение, но все без исключения чувствовали, как внутри них просыпается нечто новое — дар или проклятие, которое определяло их судьбу.

Этот дар не выбирали. Нельзя было проснуться и сказать: «Я хочу быть блудом» или «Я хочу забирать души». Дар приходил сам, из самой глубины тьмы, из того места, где хранилась истинная сущность демона, которую он сам часто не знал до самого момента пробуждения.

Кто-то получал способность соблазнять людей на грехи. Таких демонов называли блудом — не потому, что они были распутными, а потому, что их дар заключался в том, чтобы разжигать в людях желания, которые вели к падению. Они могли принять любой облик, любой голос, любую форму, которая была нужна для соблазна. Проникали в сны, в мысли, в желания, и люди сдавались, даже не понимая, что борются не с собой, а с чем-то большим.

Кто-то получал способность забирать души. Это были самые опасные демоны, потому что они могли убить не тело, а то, что делало человека человеком. Их дар не был быстрым — они высасывали душу постепенно, год за годом, и человек умирал тогда, когда внутри него не оставалось ничего, кроме пустоты.

Кто-то становился демоном предательства. Он не убивал, не соблазнял, не забирал души. Он просто находил в человеке ту точку, где дружба переходила в зависть, любовь — в ненависть, верность — в желание ударить в спину. Ему не нужно было прилагать усилий, достаточно было присутствовать рядом, и люди начинали видеть в своих близких врагов.

Кто-то получал дар внушения, который позволял убедить человека сделать что угодно — даже то, что противоречило его природе. Эти демоны были самыми коварными, потому что их жертвы часто даже не подозревали, что ими управляют, и верили, что их решения — их собственные.

У каждого демона был свой дар, своё проклятие. И не было двух одинаковых, как не бывает двух одинаковых теней.

Сатана прошёл своё пробуждение задолго до того, как стал правителем. Его даром была способность видеть суть — не то, что человек показывает, а то, что он прячет глубоко внутри, иногда даже от себя самого. Он мог заглянуть в душу и понять, чего она хочет на самом деле, чего боится, на что надеется. Эта способность делала его идеальным судьёй, потому что он никогда не ошибался — он видел правду, даже когда она была скрыта за слоями лжи и самообмана.

Но дар был и проклятием. Сатана не мог отключить его. Каждый демон, каждый ангел, каждый человек, которого он встречал, был для него открытой книгой. Он знал их страхи, их

слабости, их самые потаённые желания — и это знание иногда было невыносимым. Потому что нет ничего тяжелее, чем видеть, как падают те, кто мог бы подняться, если бы не один неверный шаг.

Сатана не любил править. Он делал это потому, что никто другой не мог. Он был справедлив, и эту справедливость он вырабатывал годами, через боль, через ошибки, через потери. Он знал, что не все демоны будут довольны его решениями, но он также знал, что если он начнёт угождать всем, то Ад погрузится в хаос.

Иногда, когда он оставался один, он думал об Эоне. О том, как Он появился перед ними, слабый, почти прозрачный, и говорил о том, что война убивает не только врагов, но и самих воюющих. Сатана не был тогда на той встрече, но он слышал рассказы старших и запомнил их навсегда.

«Вы можете убивать друг друга, — сказал тогда Эон. — Это страшно. Это больно. Но это не конец света. Потому что смерть одного не означает смерть всех».

Сатана часто перебирал эти слова в уме, пытаясь понять их истинный смысл. И однажды, когда он сидел на троне и смотрел, как демоны спорят о границах и правах, он понял: Эон говорил не о смерти физической. Он говорил о смерти духовной. О том, что когда ангел убивает демона, он убивает в себе способность понимать тьму. Когда демон убивает ангела, он убивает в себе надежду на свет.

Пока демоны обустроивали Ад, ангелы строили Рай. Их мир был не глубже, а выше — он уходил в небо, на много уровней, и каждый следующий был светлее предыдущего, прозрачнее, ближе к тому, что они называли истиной.

Первые уровни Рая были почти земными. Там росли деревья, цвели цветы, текли реки, и ангелы, которые жили там, были ближе всего к людям — они помнили, что такое боль, сомнение, страх, и это знание делало их сострадательными.

На верхних уровнях, в самом сердце Рая, обитали высшие ангелы — те, кто видел Эона, кто помнил времена, когда границы между мирами были прозрачными, кто знал цену мира и ненавидел войну не потому, что боялся её, а потому, что видел, как она разрушает души.

У ангелов тоже был правитель. Его называли Богом. Он был справедлив и величественен — не такой, как Сатана, чья справедливость была суровой и быстрой, а такой, чья справедливость была мудрой и терпеливой. Он мог ждать годы, десятилетия, века, пока ангел, сбившийся с пути, вернётся на него сам, без принуждения, без наказания — потому что он верил, что только так, через собственный выбор, можно достичь истинной чистоты.

Бог был прекрасен. Его свет был ровным, спокойным, не ослепляющим, и ангелы, которые находились рядом, чувствовали, как их собственный свет становится ярче, ровнее, увереннее.

Он редко вмешивался в жизнь ангелов напрямую. Он не приказывал, не требовал, не наказывал, просто был — и этого было достаточно, чтобы ангелы стремились к нему, чтобы они хотели стать лучше, чтобы они помнили, зачем они здесь.

Как и демоны, ангелы росли до двадцати пяти лет. Они менялись, искали себя, ошибались, падали, поднимались — и в этом они были похожи на своих врагов больше, чем хотели бы признать.

В двадцать пять лет их форма завершалась. Они переставали стареть, обретали окончательный облик и получали дар — не тот, который можно было выбрать, а тот, который был определён их сущностью.

Кто-то получал дар исцеления души. Такие ангелы могли заглянуть в человека, найти там рану, о которой тот сам не знал, и исцелить её — не телом, не словом, не прикосновением,

а просто присутствием. Они не требовали благодарности, не ждали признания, они просто делали свою работу, потому что не могли иначе.

Кто-то получал дар просветления. Они помогали людям увидеть истину — ту, которая была внутри них самих, запрятанная глубоко, иногда настолько глубоко, что человек уже забыл о её существовании. Эти ангелы были редкими, потому что дар просветления требовал не только силы, но и мудрости, а мудрость не приходит сама — её нужно добывать, через боль, через потери, через осознание того, что ты не всегда прав.

Кто-то получал силу духа. Эти ангелы не лечили и не просветляли — они были защитниками. Они могли выдержать любой удар, любую боль, любую потерю и не сломаться. Их вера была настолько сильной, что они могли передать её другим, и это, наверное, было самым главным даром.

Кто-то получал силу прощения. Это была самая трудная способность, потому что прощать тяжелее, чем лечить, просветлять или защищать. Ангелы с этим даром могли простить любое зло, потому что они видели дальше, видели корень, видели, что за каждым злом стоит боль, страх, отчаяние.

Как и демоны, ангелы не выбирали свои дары. Они просто просыпались в свой двадцать пятый год и понимали, кем стали.

Со временем у демонов сформировалась чёткая иерархия, основанная не на происхождении, а на силе дара и на том, как этот дар проявлялся.

Высшими считались те, чьи дары были связаны с так называемыми смертными грехами, потому что они были самыми эффективными для ослабления человеческих душ.

Демон блуда, о котором говорили, что он был одним из первых, кто получил свой дар, стал легендой. Он мог принять любой облик, любой возраст, любой пол — и люди падали перед ним, даже не понимая, почему. Он не насиловал, не принуждал, не угрожал. Люди сами делали выбор, который потом разрушал их жизнь.

Демон гордыни умел внушить человеку, что он лучше других, умнее, красивее, достойнее. Этот дар был опаснее, чем могло показаться, потому что гордыня делала человека слепым — он переставал видеть свои ошибки, переставал слышать других, переставал расти.

Демон гнева, самый опасный из всех, мог превратить мирного человека в убийцу за несколько секунд. Он не внушал мысли — он внушал чувства, и чувства эти были настолько сильными, что затмевали разум.

Сатана следил за тем, чтобы эти демоны не выходили из-под контроля. Он не запрещал им работать с людьми — это было их предназначение, их смысл, их способ существования. Но он запрещал им убивать. Не потому, что ему было жаль людей, а потому, что мёртвые души не приносили пользы Аду. Живые, грешащие, сомневающиеся, падающие — вот что было нужно демонам. Мёртвые были бесполезны.

Несмотря на войну, которая то затихала, то разгоралась с новой силой, в Аду и Раю была своя жизнь, не связанная с битвами. Демоны рождались, росли, учились, находили свой путь. Ангелы делали то же самое, только по-другому, в другом ритме, с другими целями.

Сатана и Бог почти не общались напрямую. Переговоры вели их посланники, и эти переговоры были долгими, трудными, часто безрезультатными. Но иногда, в редкие моменты затишья, Сатана поднимался на верхний уровень Ада, откуда было видно свет Рая, и смотрел туда, где когда-то была граница, и думал о том, что, может быть, когда-нибудь всё изменится.

Бог делал то же самое. Он спускался на нижние уровни Рая, смотрел вниз, туда, где царил тьма, и не осуждал её, потому что понимал: без тьмы свет был бы невыносим.

Пепельная горчица иногда прилетала на границу, садилась на камень и смотрела то в одну сторону, то в другую. Она не выбирала, кто прав.

Скоро, — думала птица. — Скоро всё изменится.
Но никто не знал, что она имеет в виду.
Даже она сама.

Глава 4. Законы и порядки

Когда ангелы и демоны разошлись по разным территориям и установили свои законы, перед каждым из миров встал вопрос, который раньше не имел смысла: как наказывать тех, кто эти законы нарушает. В эпоху, когда они жили вместе, достаточно было устного порицания или временного изгнания на нейтральные земли. Теперь же, когда границы стали жёстче, а соседи превратились во врагов, требовались более серьёзные меры.

Сатана, став правителем Ада, первым делом занялся вопросом наказаний. Он понимал, что без них хаос неизбежен — демоны слишком сильны, слишком своевольны, слишком опасны, чтобы полагаться только на их совесть. Ему нужен был инструмент, который действовал бы безотказно, который не требовал бы постоянного контроля, который был бы страшнее любого наказания, которое могли бы придумать сами демоны.

Он долго советовался со старшими, перебирал варианты, отбрасывал одни, возвращался к другим. Казнь не подходила — демона трудно убить, а если и убить, то его тьма вернётся в мир в другом обличье, и это могло быть даже опаснее, чем исходное преступление. Изгнание в нейтральные земли тоже не работало — демоны, оказавшись без присмотра, начинали охотиться на людей или проникать обратно в Ад через щели, которые никто не мог заделать навсегда.

И тогда Малхиор, который редко вмешивался в дела правления, предложил то, что позже назовут Ямой.

Яма не была местом в том смысле, в котором люди привыкли понимать это слово. У неё не было стен, не было пола, не было потолка, не было входа и выхода в привычном понимании. Она была пространством — бесконечным, пустым, лишённым каких-либо ориентиров. Если в обычном мире можно было определить, где верх, а где низ, где лево, а где право, то в Яме эти понятия теряли смысл. Падаешь ли ты, летишь ли, стоишь ли на месте — невозможно было понять, потому что не было точки отсчёта.

Сатана создал Яму из частицы своей собственной тьмы — той, которая была самой древней, самой глубокой, самой забытой. Он не любил вспоминать о тех временах, когда он сам был почти таким же, как те, кого потом отправляли в наказание, но понимал, что без этого знания его наказание не будет эффективным.

В Яме не было воздуха. Не потому, что его оттуда убрали, а потому, что там вообще не было ничего, что можно было бы назвать веществом. Демон, попавший туда, не задыхался — ему нечем было дышать, но он и не нуждался в дыхании, потому что его тело, лишённое контакта с реальностью, переставало функционировать как тело. Оно становилось просто формой, оболочкой, внутри которой медленно, очень медленно умирала душа.

В Яме не было времени. Никто не мог сказать, сколько он там пробыл — минуту, год, тысячелетие. Время переставало течь, потому что нечему было течь. Не было движения, не было изменения, не было даже самой мысли об изменении, потому что мысль требовала хотя бы малейшего импульса извне.

Там не было звука. Даже если демон кричал — а они кричали, особенно в первые дни, пока ещё помнили, кто они и зачем здесь, — звук не распространялся. Он умирал в том самом месте, где рождался, не успев коснуться даже собственного слуха. Демон не слышал себя, не слышал ничего, и эта тишина была хуже любой боли, потому что она не давала надежды.

В Яме не было света. Тьма там была не той, к которой привыкли демоны, — не уютной, не защищающей, не тёплой. Это была тьма абсолютная, тьма, которая не скрывала, потому что скрывать было нечего. В ней не было ни теней, ни отражений, ни даже самой возможности увидеть что-то, потому что видеть было нечем.

Первое время, когда Сатана только создал Яму и ещё не знал, насколько она страшна, он отправил туда демона, который убил другого демона из ревности. Убийство было запрещено одним из первых законов — слишком ценны были жизни.

Демона заточили в Яму на срок, который тогда казался небольшим — всего сто лет. Сатана думал, что этого достаточно, чтобы преступник осознал свою вину и больше никогда не повторял ошибку.

Он ошибался.

Когда через сто лет Яму открыли, демон был жив. Тело его сохранилось, тьма не рассеялась, но внутри не осталось ничего. Он не помнил, за что его наказали. Он не помнил, как его зовут. Он не помнил, что такое убийство, ревность, гнев. Он не помнил даже, что он демон.

Он смотрел перед собой пустыми глазами и не реагировал на голоса.

Сатана приказал оставить его в покое. Через несколько десятилетий демон начал понемногу возвращаться к жизни. Сначала он начал различать свет и тьму, потом — голоса, потом — имена. Но прошло ещё несколько сотен лет, прежде чем он смог говорить связно, и почти тысяча — прежде чем он вспомнил, кем был.

С тех пор Яму использовали редко. Слишком страшным было это наказание, слишком необратимым. Но когда случалось преступление, которое не могло быть прощено, когда демон переступал черту, за которой не было возврата, Сатана отправлял его в Яму, и никто — даже самые близкие друзья — не просили за него помилования.

Тех, кто побывал в Яме и вернулся, было немного, и они редко говорили о том, что там пережили. Но те крупницы информации, которые удалось собрать, рисовали картину, от которой даже у самых стойких демонов кровь стыла в жилах.

Первое, что исчезало в Яме, — это ощущение себя. Демон, только что попавший туда, ещё помнил, кто он, откуда пришёл и за что наказан. Он мог мысленно произносить своё имя, вспоминать лицо, прокручивать в голове события, которые привели его сюда. Это помогало держаться, не сходить с ума, верить, что наказание когда-нибудь закончится.

Но Яма не терпела иллюзий.

Постепенно, незаметно, как вода точит камень, она начинала стирать эти воспоминания. Сначала исчезали мелкие детали — цвет глаз того, кого ты убил, форма облаков в тот день, когда ты впервые солгал. Потом — более крупные: лица друзей, имена врагов, голоса тех, кого ты любил. Затем — целые годы, десятилетия, целые эпохи выпадали из памяти, как выпадают зубы у старого зверя, оставляя кровоточащие дёсны.

Вторым исчезало желание. Демон переставал хотеть есть, пить, спать, убивать, любить, ненавидеть. Даже самое простое желание — желание выбраться — угасало со временем, потому что для того, чтобы чего-то хотеть, нужно было помнить, что это «что-то» существует.

Третьим исчезала мысль. Демон переставал думать, потому что для мысли нужен был импульс, а импульсов в Яме не было. Нечему было удивляться, не о чем было спорить, нечего было бояться. Мысли замирали на полуслове, как замерзает река зимой, и больше никогда не начинали течь.

И последним исчезал сам демон. Не тело — оно оставалось, нетленное, как и всё в Аду, — а суть. Та искра, которая делала его живым, уникальным, способным чувствовать и выбирать. Она гасла, и на её месте не оставалось ничего.

Те, кто возвращался, говорили, что самое страшное в Яме — не отсутствие света, звука, времени. Самое страшное — это отсутствие надежды. Потому что пока есть надежда, можно терпеть любую боль. Но когда надежда умирает, остаётся только пустота.

Процесс отправки в Яму был сложным и многоступенчатым. Сатана не доверял эту процедуру никому, потому что знал: слишком велик соблазн использовать Яму для личных счётов, для устранения конкурентов, для наказания тех, кто просто не угодил.

Каждое дело рассматривалось советом старейших демонов. Обвиняемый имел право говорить, приводить свидетелей, доказывать свою невиновность. Если совет не мог прийти к единому мнению, дело передавалось Сатане, и его слово было окончательным.

Смертные приговоры в Аду не выносили принципиально. Демона можно было убить, но это требовало огромных усилий и редко окупалось — слишком много сил уходило на то, чтобы уничтожить тьму, которая не хотела умирать.

Были и более мягкие наказания: временное лишение дара, запрет на контакты с другими демонами, принудительные работы на нижних уровнях. Сатана считал, что наказание должно соответствовать преступлению, и редко ошибался в выборе меры.

В Раю наказания были устроены иначе. Бог, в отличие от Сатаны, не верил, что страх перед карой может исправить душу. Он считал, что только искреннее раскаяние способно очистить от греха, и поэтому его наказания были направлены не на то, чтобы причинить боль, а на то, чтобы помочь осознать ошибку.

В Раю не было мест, похожих на Яму. Бог не создавал бездн, в которых исчезает личность, потому что для него каждая личность была ценна, даже если она ошиблась. Вместо этого существовало Чистилище — не физическое пространство, а состояние, в которое погружался ангел, нарушивший закон.

Чистилище было похоже на сон — очень долгий, очень глубокий сон, в котором ангел переживал свои грехи снова и снова, каждый раз видя их с новой стороны, каждый раз понимая что-то новое о себе и о том, что он сделал. Ему не было больно в физическом смысле — Чистилище не причиняло боли. Но было кое-что другое, более страшное, чем любая боль.

Ангел видел последствия своих поступков. Не так, как он их представлял, а так, как они происходили на самом деле. Он видел лица тех, кому причинил зло, слышал их голоса, чувствовал их страхи, их боль, их отчаяние. Он не мог отвернуться, не мог закрыть глаза, не мог перестать чувствовать, потому что Чистилище лишало его защиты, которой каждый из нас окружён в обычной жизни.

Иногда эти видения длились минуты. Иногда — столетия. Всё зависело от тяжести греха и от того, насколько ангел был готов раскаяться.

Но было в Чистилище и то, чего не было в Яме. Выход. Ангел, который по-настоящему осознал свою вину, который прочувствовал её до конца, который больше не хотел повторять ошибку, мог выйти из Чистилища в любой момент. Не потому, что его выпускали, а потому, что само Чистилище отпускало его.

Бог говорил, что Чистилище — это не наказание, а исцеление. И многие ангелы, прошедшие через него, соглашались с этим. Они не боялись Чистилища, не ненавидели его, не проклинали. Они благодарили его за то, что оно помогло им увидеть себя настоящими — такими, какими они были на самом деле.

Были, конечно, и исключения. Некоторые ангелы не выдерживали Чистилища. Они сходили с ума от того, что видели, от того, что чувствовали, от того, что не могли изменить прошлое. Начинали ненавидеть себя, а потом переносили эту ненависть на других — на Бога, который не защитил их от этого испытания, на ангелов, которые не заступились за них, на демонов, которые (как им казалось) были причиной всех их бед.

Таких ангелов Бог отправлял в специально созданное место, которое называлось Зазеркальем — своеобразная буферная зона, где падшие ангелы жили, постепенно превращаясь в нечто иное, не поддающееся определению.

Зазеркалье было не наказанием в привычном смысле. Скорее, это была изоляция от самого себя, от того зла, которое ангел не мог принять и не мог преодолеть. Бог надеялся, что со временем, когда боль утихнет, они смогут вернуться. Но за всё время существования Зазеркалья оттуда не вернулся никто.

Со временем у ангелов и демонов сформировалось разное отношение к наказаниям. Демоны считали, что страх перед карой — лучший способ удержать от преступления. Ангелы полагали, что страх порождает только ложь и лицемерие, а истинное исправление приходит только через любовь и понимание.

Кто был прав — никто не знал. Сатана и Бог редко спорили об этом, потому что каждый был уверен в своей правоте, и каждый имел достаточно доказательств, чтобы подкрепить свою уверенность.

Но было в их подходах и кое-что общее. И демоны, и ангелы соглашались, что наказание не должно быть мезью. Оно должно быть уроком. И если урок не усвоен, то наказание было бессмысленным.

Глава 5. Мудрецы

До того, как появились первые записи, ангелы и демоны полагались на устную традицию. Старшие передавали младшим знания о том, как был создан мир, как Эон разделил себя на свет и тьму, как появились первые ангелы и первые демоны, как они жили вместе, а потом разошлись по разным территориям. Эти рассказы были живыми, изменчивыми — каждый добавлял что-то от себя, что-то упускал, что-то наоборот добавлял, и со временем истина перемешивалась с вымыслом так сильно, что никто уже не мог сказать, где заканчивается одно и начинается другое.

Первые свитки появились случайно. Один ангел, которого звали Сариил, обладал даром запоминать всё, что слышал, с точностью до слова. Он не мог забыть, не мог исказить, не мог добавить ничего от себя — его память была идеальной, как зеркало, которое отражает только то, что перед ним, и ничего больше. Сариил слушал рассказы старших, запоминал их, а потом начал записывать. Не потому, что ему было нужно, и не потому, что кто-то просил, а потому, что он не мог иначе — слишком много знаний теснилось в его голове, требуя выхода.

Первые свитки были грубыми, несовершенными. Сариил писал на шкурах животных, которых находил на нейтральных территориях, чернилами из сока растений. Слова получались неровными, иногда расплывчатыми, иногда почти нечитаемыми, но смысл оставался неизменным — таким, каким Сариил услышал его впервые.

Другие ангелы сначала не придавали значения этим свиткам. Ну пишет и пишет, какое кому дело? Но со временем, когда Сариил накопил целую библиотеку, когда его записи начали расходиться по Раю и Аду, отношение изменилось. Оказалось, что свитки сохраняют знания не хуже, а иногда и лучше, чем устная традиция. Они не зависели от памяти рассказчика, от его настроения, от его желания приукрасить или скрыть правду. Они были просто записью — и в этой простоте была их сила.

Мудрецы появились позже, уже после того, как ангелы и демоны разошлись по разным территориям и установили свои законы. Это были существа, чей дар пробуждался в двадцать пять лет не так, как у других. Они не получали способности влиять на людей, не становились блудом или демоном предательства, не исцеляли души и не просветляли разум. Их дар был иным — они видели то, что не видели другие, и слышали то, что не слышали другие.

Сначала никто не заметил их появления. Мудрецов было немного, они держались в тени, не высывались, не спорили, не пытались доказать свою правоту. Они просто наблюдали. И записывали. И в этих записях было то, что ангелы и демоны предпочли бы скрыть.

Первого мудреца звали Элифас. Он был ангелом, но его дар не имел ничего общего со светом — он видел тени, которые отбрасывают души, и по этим теням мог определить, что скрывает человек, даже если сам человек не знал об этом. Элифас не хотел пугать, не хотел разоблачать, не хотел вмешиваться в чужие жизни. Он просто видел — и иногда не мог удержаться, чтобы не сказать о том, что узрел.

Однажды, когда ангелы собрались на совете, чтобы обсудить очередное нарушение границ со стороны демонов, Элифас вдруг произнёс, обращаясь к одному из старейшин: «Ты боишься не демонов. Ты боишься, что твои подопечные узнают, что ты сам нарушал и нарушаешь границы. И что тебя не наказали только потому, что ты хорошо умеешь прятать концы».

В зале повисла тишина. Старейшина побледнел — настолько, насколько может побледнеть ангел, — и не нашёл что ответить. Потому что Элифас сказал правду. Ту правду, которую старейшина похоронил в себе много лет назад и надеялся никогда не вспоминать.

После этого случая ангелы начали бояться Элифаса. Не потому, что он был сильным или опасным, а потому, что он видел их насквозь. Каждый, кто приближался к нему, чувствовал,

как мудрец заглядывает в его душу, считывает его страхи, его сомнения, его самые потаённые желания. Даже если Элифас молчал, даже если не произносил ни слова, само его присутствие заставляло ангелов чувствовать себя обнажёнными, незащищёнными, уязвимыми.

То же самое происходило и среди демонов. У них тоже появились свои мудрецы — те, кто мог слышать мысли на расстоянии, кто видел не только поступки, но и их причины, кто понимал демонов лучше, чем они сами себя понимали. Самым известным из них был Либера — демоница, чей дар позволял ей не просто слышать, а чувствовать желания других. Она говорила редко, но каждое её слово было точно в цель.

Демоны, как и ангелы, боялись её. Они не хотели, чтобы кто-то знал об их тайнах, об их слабостях, о тех моментах, когда они сомневались и колебались. В Аду, где сила ценилась выше всего, признание в слабости могло стоить жизни.

Через несколько десятилетий после появления первых мудрецов ангелы и демоны собрались на совместный совет — редкое событие, которое происходило только в случае крайней необходимости. Вопрос стоял один: что делать с мудрецами?

Ангелы говорили первыми. Их представитель, тот самый старейшина, которого Элифас разоблачил на совете, требовал изолировать мудрецов от остальных. «Они сеют страх, — говорил он. — Они заставляют нас сомневаться в себе. Они видят то, что не должны видеть, и слышат то, что не должны. Это опасно. Это подрывает нашу веру».

Демоны поддержали ангелов — впервые за долгое время. Их представитель, один из высших демонов, чьё имя не сохранилось в свитках, говорил жёстко и прямо: «Мудрецы — это угроза. Они знают наши слабости, а знание слабостей — это оружие. Если они передадут это знание врагам, мы все погибнем».

Элифас и Либера стояли в центре зала, окружённые сотнями существ, которые требовали их изгнания. Они не защищались, не оправдывались, не просили о пощаде. Они просто слушали.

Бог, правитель Рая, говорил последним. Он поднялся с трона, обвёл взглядом зал, задержался на мгновение на лицах мудрецов, а потом обратился к собравшимся.

— Вы боитесь их, — сказал Он. — Не потому, что они опасны. А потому, что они показывают вам то, что вы не хотите видеть в себе. Вы боитесь не их правды — вы боитесь своей собственной правды. Той, которую вы прячете глубоко внутри, от которой отворачиваетесь, которую отрицаете.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Но правда не становится ложью от того, что вы её не признаёте. Она остаётся правдой. И те, кто способен её видеть, не враги вам. Они — зеркала. И если зеркало вам не нравится, то проблема не в нём.

В зале зашумели. Ангелы переглядывались, демоны шептались.

— Мы есть то, что мы думаем, — продолжал Бог. — Мы есть то, что мы хотим. Наши мысли, наши желания, наши страхи — это и есть мы. И если вы боитесь, что кто-то узнает ваши мысли, спросите себя: почему вы их стыдитесь? Что в них такого, что вы не можете принять?

Он замолчал, давая возможность собравшимся обдумать его слова.

Сатана, правитель Ада, поднялся следом. Демон не торопился, несколько раз прошёлся перед тронном, прежде чем начать говорить.

— Я согласен с Богом в одном, — сказал он. — Правда не становится ложью от того, что мы её не признаём. И те, кто видят правду, не виноваты в том, что мы от неё прячемся.

Он остановился напротив мудрецов.

— Но я не согласен с Ним в другом. Страх — это не слабость. Страх — это инстинкт. И если ваши подопечные боятся, значит, они чувствуют опасность. Игнорировать этот страх — значит подвергать их риску.

Сатана повернулся к собравшимся.

— Я предлагаю не изгонять мудрецов и не наказывать их. Но я предлагаю поселить их отдельно — на окраинах, вдали от основных поселений. Пусть они живут там, где их дар не будет пугать других. Пусть они занимаются своими исследованиями, записывают свои знания, но не вмешиваются в жизнь тех, кто не готов к их правде.

Бог покачал головой.

— Ты предлагаешь изоляцию, — сказал Он. — А изоляция — это та же казнь, только растянутая во времени.

— Я предлагаю защиту, — ответил Сатана. — Защиту и для них, и для нас.

Совет длился три дня. Спорили, кричали, обвиняли друг друга в трусости и жестокости, выходили из зала и возвращались с новыми аргументами. Мудрецы всё это время сидели в центре зала, не двигаясь, не произнося ни слова, и слушали, как решается их судьба.

На исходе третьего дня Бог поднялся и объявил:

— Я принимаю решение Сатаны. Мудрецы будут жить отдельно — на окраинах Рая и Ада, в специально построенных для них замках. Никто не имеет права тревожить их, если они сами не пригласят. Никто не имеет права требовать от них откровений, если они не захотят делиться. Они будут свободны в своей изоляции.

Элифас и Либеря переглянулись. Никто не знал, о чём они думали в тот момент, но говорят, что их лица были спокойны. Ни гнева, ни обиды, ни разочарования — только тихое, почти незаметное принятие того, что всё идёт так, как должно идти.

На окраинах Рая и Ада, там, где небеса встречались с землёй, а свет — с тьмой, были построены замки для мудрецов. Они были чёрными — не потому, что их строили из такого материала, а потому, что свет и тьма, встречаясь на этих территориях, создавали такую глубину, которая казалась темнее чёрного.

Замки были огромными, с высокими башнями, уходящими в небо, и глубокими подземельями, уходящими в землю. Внутри них не было ничего лишнего — только комнаты для работы, комнаты для отдыха и библиотеки, которые мудрецы заполняли свитками с записями о мире, о существах, о законах, по которым всё это жило.

Первое время ангелы и демоны иногда прилетали к замкам. Не потому, что хотели общаться с мудрецами, а из любопытства — посмотреть, как они живут, чем занимаются, не представляют ли угрозы. Но мудрецы не выходили к ним, не отвечали на их приветствия, не приглашали внутрь. Они просто были — и в этом «быть» было что-то, от чего становилось не по себе.

Со временем любопытство угасло. Ангелы перестали залетать на окраины Рая, демоны — на окраины Ада. Мудрецов забыли. Не нарочно — просто время и расстояние сделали своё дело. Те, кто помнил о существовании чёрных замков, умирали, а новые поколения не интересовались прошлым.

Мудрецы не жаловались на изоляцию. Для них она была не наказанием, а возможностью — возможностью заниматься своим делом без помех, не отвлекаясь на чужие страхи и сомнения.

Они изучали мир. Они записывали всё, что видели и слышали, всё, что чувствовали и понимали. Их библиотеки росли, заполнялись свитками, которые никто никогда не читал. Они создавали карты территорий, которых никто никогда не видел, вычисляли законы, по которым движутся звёзды, и законы, по которым движутся души.

Иногда, очень редко, кто-то из мудрецов покидал свой замок и отправлялся в мир. Не для того, чтобы вмешиваться, а для того, чтобы наблюдать. Они могли сидеть на краю поля днями, неделями, месяцами, просто смотрели, как ангелы и демоны живут, сражаются, любят, ненавидят, умирают. А потом возвращались в свои замки и записывали увиденное.

Они не чувствовали себя одинокими. Одиночество — это когда тебе нужны другие, а их нет. Мудрецам никто не был нужен. Они были самодостаточными, как планеты, которые вращаются вокруг своей оси и не замечают других.

Никто не знает, сколько свитков хранится в чёрных замках. Может быть, тысячи. Может быть, миллионы. Может быть, там записана вся история мира — от первого вздоха Эона до последнего удара сердца того, кто ещё не родился.

Никто не знает, живы ли ещё мудрецы. Последний раз их видели несколько сотен лет назад, когда один из демонов, заблудившись во время охоты, наткнулся на чёрный замок на окраине Ада. Он не решился войти внутрь — слишком жутким казалось ему это место, слишком тихим, слишком пустым. Он улетел и рассказал о том, что видел, но ему никто не поверил.

В одном из свитков, написанных Элифасом за несколько десятилетий до его ухода в изоляцию, есть такие строки:

«Знание не делает нас счастливыми. Оно делает нас свободными. Но свобода страшит тех, кто привык к цепям. Мы не хотим знать правду о себе, потому что правда требует от нас действий, изменений, выбора. А выбирать всегда труднее, чем подчиняться».

Либеры в своих записях добавляла:

«Мудрость не в том, чтобы знать ответы. Мудрость в том, чтобы задавать правильные вопросы. Те, кто боится мудрецов, боятся не их знания — они боятся вопросов, которые они вынуждены будут себе задать, если останутся рядом с ними».

Бог, когда его спросили о мудрецах уже после их изоляции, сказал:

«Они — совесть этого мира. А совесть всегда живёт на окраинах. Потому что в центре слишком шумно, чтобы её услышать».

Сатана ничего не сказал. Он не любил говорить о том, что не имело практического применения.

История мудрецов не закончена. Она просто замерла, как замерзает река зимой, и ждёт, когда наступит весна. Никто не знает, когда наступит, и наступит ли вообще.

Мудрецы сидят в своих чёрных замках, читают старые свитки, пишут новые, наблюдают за миром, который забыл о них, и ждут. Чего — никто не знает. Может быть, того дня, когда кто-то постучит в их дверь и скажет: «Нам нужна ваша правда. Мы готовы её услышать».

А может быть, они ждут смерти. Или того, что будет после неё.

Но время идёт, а ничего не меняется.

Может быть, оно идёт не туда?

Глава 6. Скрижаль

Мудреца звали Азраил. Он был одним из тех, кто жил в чёрном замке на самой окраине Рая, там, где свет встречался с тьмой и никто уже не мог сказать, где заканчивается одно и начинается другое. Его дар был не таким, как у других мудрецов, — он не слышал чужие мысли и не видел чужие тени.

Он чувствовал то, что должно было случиться. Не будущее в привычном смысле — не события, не даты, не лица. А саму возможность будущего, ту тонкую нить, которая связывает настоящее с тем, что ещё не наступило, но уже существует где-то там, в глубине времени.

Азраил прожил долгую жизнь. Он видел войны и перемирия, рождение и смерть тысяч существ, появление людей и их стремительное, почти безумное развитие. Он записывал всё, что видел и чувствовал, и его библиотека была одной из самых больших среди мудрецов.

Но однажды, когда он сидел за столом в своей башне и перечитывал старые свитки, в его сознании что-то щёлкнуло, как будто кто-то открыл дверь, о существовании которой он даже не подозревал, и оттуда хлынул свет. Не тот свет, к которому привыкли ангелы, — мягкий, тёплый, почти ласковый, — а свет ослепляющий, обжигающий, невыносимый для тех, кто привык к полумраку.

Азраил не испугался. Он слишком долго жил, чтобы бояться непонятного. Он просто взял перо, достал новый свиток и начал писать.

Слова приходили сами. Не как мысли, которые он обдумывал и взвешивал, а как поток, который лился из него, не спрашивая разрешения, не подчиняясь воле. Азраил не знал, откуда берутся эти слова, не знал, что они значат, не знал, зачем он их пишет. Он просто писал, потому что не мог остановиться.***Первое время Азраил не замечал ничего необычного. Ну, пишет и пишет, какое кому дело? Но по мере того, как свиток заполнялся, он начал чувствовать странную усталость — не физическую, а ту, которая накапливается где-то под рёбрами и не проходит даже после долгого отдыха. Он стал чаще откладывать перо, дольше смотреть в окно на серое небо, чаще прислушиваться к себе, пытаясь понять, что с ним происходит.

Потом начались раны. Сначала мелкие — царапины на пальцах, которые появлялись сами собой, без всякой причины. Азраил замечал их только когда на свиток падали капли крови. Он вытирал их, заматывал пальцы и продолжал писать, потому что остановиться уже не мог. Слова требовали выхода, и чем больше он писал, тем сильнее было это требование.

Раны становились глубже. Они появлялись на руках, на лице, на груди — везде, где кожа была тоньше, где кровь ближе к поверхности. Азраил не чувствовал боли — странно, но её не было. Было что-то другое, похожее на онемение, на потерю чувствительности, на то, как будто его тело постепенно переставало быть его телом и становилось просто инструментом для записи того, что рождалось в его сознании.

Он терял зрение. Сначала просто перестал различать мелкие детали — буквы на свитке, трещины на столе, морщины на собственных руках. Потом мир стал размытым, как акварельный рисунок, который залили водой. Азраил не знал, сколько ещё он сможет писать, но знал, что остановиться не может. И не хочет. Он терял слух. Звуки становились глуше, тише, дальше. Пение птиц за окном, шёпот ветра в башне, скрип пера по свитку — всё это уходило куда-то вдаль, за горизонт, за грань, за которой не было ничего. Азраил оставался один — со свитком, с пером, со словами, которые продолжали литься из него, не спрашивая разрешения. Он терял себя. Воспоминания о прошлом, которые всегда были такими яркими, такими чёткими, начали блёкнуть, стираться, исчезать. Он не помнил, как выглядит Эон, хотя видел Его своими глазами. Не помнил, как звали его первого учителя. Не помнил, когда в последний раз выходил из башни. Он превращался в чистый канал — в сосуд, через который мир получал то, что должно было получить.

Азраил писал несколько лет. Никто не навещал его в чёрном замке — мудрецы редко покидали свои обители, а ангелы и демоны забыли о существовании окраин. Он был один — и в этом одиночестве была его сила и проклятие. Когда свиток был почти заполнен, когда оставалось всего несколько строчек, Азраил почувствовал, что его время подходит к концу. Не в том смысле, что он умирает физически — это он понял уже давно, — а в том, что то, ради чего он жил, завершается.

Он написал последнюю строчку. Перо выпало из его рук. Азраил откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и умер. Никто не видел этого момента. Никто не услышал его последнего вздоха. Только ветер, который всегда гулял по коридорам чёрного замка, на мгновение затих, будто прощаясь с тем, кого знал много лет.

А потом небо над Раем и Адом расколосось. Гром прокатился по всем уровням, от самых высоких до самых низких, заставляя стены дрожать, а существ — замирать в ужасе. Молнии били в землю, оставляя чёрные воронки, из которых сочился дым. Никто не помнил, когда в последний раз здесь была гроза — может быть, никогда?

И пошёл дождь.

Первый дождь в истории миров. Он был серым, холодным, почти невесомым, и там, где капли падали на землю, расцветали странные цветы — бледные, с серебристыми лепестками и чёрными серединками. Демоны и ангелы выходили из своих убежищ, смотрели на небо и не понимали, что происходит. Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то просто замирал на месте, чувствуя, как этот дождь смывает с них что-то старое, ненужное, мешающее жить.

Дождь шёл три дня. А когда закончился, небо стало чище, воздух — прозрачнее, а границы между мирами — тоньше.***Первыми нашли свиток ангелы. Они прилетели к чёрному замку на окраине Рая, когда тучи уже рассеялись, но в воздухе ещё витал запах озона — свежий, острый, почти болезненный. Замок выглядел так же, как и всегда, но внутри него чувствовалось что-то новое, что-то, чего не было раньше.

Ангелы вошли внутрь. Они поднимались по винтовой лестнице, проходили по длинным коридорам, заглядывали в пустые комнаты, где когда-то жили мудрецы, и не находили ничего, кроме пыли и паутины. Азраила они нашли в самой высокой башне. Он сидел в кресле, закрыв глаза, с пером в руке, которое сжимал так сильно, что костяшки побелели. На столе перед ним лежала книга — закрытая, перевязанная чёрной лентой, с печатью, которую никто из ангелов не узнал. Они попытались взять книгу в руки. Первый ангел, который прикоснулся к ней, отёрнул руку с криком. На его пальцах остались ожоги — глубокие, болезненные, которые не заживали, как обычные раны, а продолжали кровоточить, будто время для них остановилось. Второй ангел попробовал взять книгу через ткань. Ожоги прожгли ткань и всё равно достигли кожи. Третий не стал рисковать. Он просто смотрел на книгу и чувствовал, как от него исходит что-то древнее, сильное, почти живое.

Они попытались прочитать её, не прикасаясь. Но буквы, которые были на ней написаны, менялись — они перетекали, как вода, превращались в другие буквы, в другие слова, в другие смыслы. Ангелы не понимали, что читают, и не знали, читают ли они вообще что-то реальное. Книга жгла. Он жгла всех, кто к ней прикасался, и всех, кто пытался прочитать. Она жгла даже тех, кто просто смотрел на него слишком долго — глаза начинали слезиться, краснеть, болеть, будто в них попал песок.

Книгу назвали Скрижалю. Никто не знал, что в ней написано, но все чувствовали, что там — нечто важное, нечто, что может изменить мир. Ангелы спорили, что делать со Скрижалю. Одни предлагали уничтожить её — слишком опасна, слишком непонятна, слишком больно от неё. Другие возражали: уничтожить не получается. Её нельзя сжечь, нельзя разорвать, нельзя растворить в кислоте. Она остаётся собой, что бы с ней ни делали. Третьи предлагали спрятать Скрижаль там, где никто не сможет её найти. Бог выслушал их и сказал:—

Вы не можете спрятать то, что само хочет быть найденным. Скрижаль найдёт своего читателя, даже если вы закопаете её в самое сердце земли. Он не ошибся. Но и не попал в точку — тогда. Демоны прознали о Скрижали через своих шпионов. Они не участвовали в первых спорах, не предлагали своих решений, не вмешивались в дискуссии. Они просто ждали. И когда ангелы, устав от бесплодных попыток уничтожить книгу, оставили её в одном из хранилищ на нейтральной территории, демоны нанесли удар.

Ночью, когда границы между мирами стали тоньше, а стража — невнимательнее, они пробрались в хранилище, забрали Скрижаль и унесли её в Ад. Аккуратно, чтобы не повредить, не прикасаясь к ней голыми руками, завернув в ткани, пропитанные тьмой. И на удивление, книга им поддалась, как будто демоны должны были её забрать. Ангелы обнаружили пропажу только через несколько дней. Они были в ярости — не столько от того, что демоны украли Скрижаль, сколько от того, что они ничего не смогли сделать, чтобы её вернуть.

В Аду Скрижаль спрятали на самом глубоком уровне, там, куда даже высшие демоны спускались редко. Её охраняли — не столько от ангелов, сколько от любопытных, которые могли бы попытаться прочитать её и сгореть в огне её знания. Сатана знал о Скрижали, но не проявлял к ней особого интереса. У него были другие заботы — войны, границы, наказания, законы. Он приказал хранить Скрижаль, но не изучать её, потому что каждая попытка прочитать её стоила жизни или здоровья тем, кто это делал.

Демоны, которые принесли книгу в Ад, в ней, как они думали, были записаны тайны, которые могли уничтожить свет или подчинить его тьме. Но они ошибались. Скрижаль не была оружием. Она была чем-то другим, для чего у демонов ещё не было названия.

Что было написано в Скрижали, не знал никто — даже те, кто её прятал. Потому что содержание менялось в зависимости от того, кто пытался его прочитать. Для ангела она была полна тьмы, для демона — света, для человека — вопросов, на которые нет ответов.

Говорят, что в Скрижали были записаны имена всех, кто когда-либо жил и кто когда-либо умрёт. Говорят, что там были описаны все миры — прошлые, настоящие, будущие. Говорят, что там был ответ на вопрос, который никогда не задавали. Азраил, создавший Скрижаль, не знал её содержания. Он просто писал — не своими словами, а теми, которые приходили из пустоты. И умер, так и не поняв, что создал. Азраила похоронили на окраине Рая, недалеко от чёрного замка. Ангелы не знали, что делать с его телом — оно не разлагалось, не менялось, просто лежало в земле и ждало. Через несколько лет могилу заросла трава, потом кустарники, потом деревья. Никто не приходил сюда, никто не помнил имени Азраила. Его библиотека разошлась по другим мудрецам. Свитки, которые он написал до Скрижали, были обычными — в них описывались события, которые уже произошли, или те, которые должны были произойти в ближайшем будущем. Никто не придавал им особого значения.

Чёрный замок, где жил мудрец, постепенно разрушался. Ветер, дождь, время делали своё дело. Стены трескались, башни кренились, окна забивались пылью. Никто не восстанавливал его, потому что никто не хотел жить там, где умер тот, кто создал Скрижаль. В одном из свитков, найденных в библиотеке Азраила после его смерти, была странная запись:

«Я пишу не для того, чтобы меня поняли. Я пишу для того, чтобы запомнили. Не меня — то, что я написал. Потому что это больше меня. Это больше всех нас. Это то, что останется, когда мы уйдём».

И в другом свитке:

«Истина не может быть лёгкой. Если вам кажется, что вы нашли истину и она не требует от вас жертв — вы нашли не истину. Вы нашли утешение».

Глава 7. Первые люди

Когда Ариэль и Малхиор создали первого человека, они вложили в него не только свет и тьму, но и свободу. Свободу выбирать, свободу ошибаться, свободу падать и подниматься, свободу верить в то, во что хочется верить, и отрицать то, что кажется чужим. Эта свобода была самым ценным, что они могли дать своим созданиям, и самым опасным.

Первые люди были наивны, как дети. Они не знали, что такое война, не знали, что такое ненависть, не знали, что можно желать зла тому, кто отличается от тебя. Жили маленькими племенами, учились добывать огонь, строить дома, выращивать еду, и в этом их обучении ангелы и демоны помогали им — не навязываясь, не приказывая, не требуя поклонения.

Люди видели в Ариэле и Малхиоре не богов, а старших братьев, наставников, друзей. Они приходили к ним с вопросами, просили совета, рассказывали о своих страхах и сомнениях. Ариэль учил их прощению, терпению, умению видеть свет даже в самой глубокой тьме. Малхиор учил их бояться. Он показывал, какие звуки издают хищники, какая трава растёт у ядовитых источников. Бояться — значит знать, избегать. Демон учил людей не выживать сообща, а побеждать в одиночку.

Долгое время они жили в мире. Не в том мире, который не знает конфликтов, а в том, где конфликты решаются словами, а не оружием. Люди спорили, мирились, расходились и снова сходились, но кровь проливалась редко, и когда это случалось, виновных судили по справедливости, без жестокости, без мести.

Ариэль и Малхиор наблюдали за ними с высоты своих миров и радовались. Им казалось, что они всё сделали правильно, что их эксперимент удался, что люди не повторят их ошибок, не разделятся на враждующие лагеря, не начнут войну, которая уничтожит всё, что они строили.

Они ошибались.

Никто не знает, когда именно начались проблемы. Может быть, это случилось тогда, когда людей стало слишком много, и они перестали помещаться на своих территориях. Может быть, когда они открыли, что за горами, которые казались границей мира, есть другие земли, и на этих землях живут другие люди, не такие, как они: говорящие на другом языке, имеющие другие обычаи.

Первые конфликты были мелкими. Кто-то украл козу, кто-то перешёл невидимую границу, кто-то посмотрел не так на чужую жену. Ссоры заканчивались драками, драки — кровопролитием, кровопролитие — враждой, которая передавалась из поколения в поколение, от отцов к сыновьям, от сыновей к внукам.

Ариэль спускался на Землю, пытался остановить их, говорил о прощении, о том, что все они — дети одного мира, что тьма и свет не враги, а партнёры. Люди слушали его, кивали, обещали исправиться, но, как только он уходил, возвращались к своим делам. Слишком сильной оказалась боль, слишком свежими — обиды, слишком глубокими — раны.

Малхиор тоже пытался вмешаться, но его метод отличался от Ариэлева. Он не уговаривал, не просил, не убеждал. Он показывал людям, к чему приводит ненависть, раскрывал перед ними картины будущего, в котором их дети и внуки продолжают ту же войну, не помня уже, с чего она началась. Люди смотрели на эти картины, ужасались, но ничего не меняли.

Войны становились всё более жестокими. Жители Земли изобретали новое оружие, новые способы убивать, новые оправдания для своих преступлений. Они уже не просто защищались — они нападали первыми, уничтожали целые племена, стирали с лица земли города, не жалея ни стариков, ни женщин, ни детей.

Вслед за войнами пришли эпидемии. Болезни, о которых люди раньше не знали, выкашивали их целыми деревнями. Люди умирали тысячами, и никто не мог им помочь — ни ангелы,

ни демоны, потому что болезни были порождением не тьмы и не света, а самого человека, его грязи, его скученности, его нежелания заботиться о ближнем.

Ариэль спускался на Землю, пытался исцелять больных, но их было слишком много. Он не мог быть везде одновременно, не мог спасти всех, не мог остановить то, что уже не остановить. Его свет, который раньше исцелял одним прикосновением, теперь только отсрочивал смерть, но не отменял её.

Малхиор тоже пытался помочь. Он учил людей, как хоронить мёртвых, как очищать воду, как сжигать заражённые вещи. Но люди не слушали его — слишком заняты были своей враждой, слишком уверены, что болезнь — это наказание за чужие грехи, а не за свои собственные.

За несколько лет население Земли сократилось в несколько раз. Реки, которые раньше были полны рыбы, стали красными от крови. Поля, где росли злаки, зарастали сорняками. Города пустели, деревни исчезали с лица земли, и только ветер гулял по тем местам, где когда-то звучал детский смех.

Ариэль и Малхиор смотрели на это с высоты своих миров и не знали, что делать. Они могли бы вмешаться силой, заставить людей прекратить войны, наказать виновных, наградить послушных. Но тогда они лишили бы людей их свободы, а свобода была тем даром, который они не имели права отнимать.

Однажды, когда эпидемия достигла своего пика, когда люди умирали тысячами каждый день, Ариэль сказал Малхиору:

— Мы должны спуститься к ним. Не как наблюдатели, не как советники. Как те, кто говорит от имени самого мира.

Малхиор долго молчал. Он не любил говорить, когда не был уверен в своих словах.

— А что мы скажем? — спросил он наконец. — Что они неправы? Что они глупы? Что они сами виноваты в своих страданиях?

— Мы скажем им правду, — ответил Ариэль. — Ту правду, которую услышали от Эона. О том, что свет и тьма не враги, а партнёры. О том, что ненависть разрушает не только врага, но и того, кто ненавидит. О том, что война — это самоубийство, только очень медленное и очень мучительное.

Малхиор снова замолчал. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Пойдём.

Они спустились на Землю в тот момент, когда солнце садилось за горизонт, окрашивая небо в багровые тона. Ариэль предстал перед людьми в своём истинном облике — высокий, светлый, с крыльями, которые сияли так ярко, что на них нельзя было долго смотреть. Малхиор тоже не скрывал свою сущность — тёмный, тяжёлый, с крыльями, которые отбрасывали тени даже в полной темноте.

Люди, увидев их, упали на колени. Кто-то плакал, кто-то молился, кто-то просто замер, не в силах произнести ни слова.

— Не бойтесь, — сказал Ариэль. — Мы пришли не судить вас. Мы пришли напомнить вам то, что вы забыли.

Ариэль говорил долго. Он рассказывал о том, как был создан мир, как Эон разделил себя на свет и тьму, как появились ангелы и демоны, как они жили вместе, а потом разошлись по разным территориям. Он рассказывал о том, что человек создан из света и тьмы, и в этом его сила и его слабость.

Люди слушали, затаив дыхание. Они забыли о своих войнах, о своих обидах, о своей ненависти. Они смотрели на Ариэля и чувствовали, как его свет проникает в их души, согревает их, успокаивает.

Малхиор говорил следом. Его голос был тише, глубже, но в нём чувствовалась такая сила, что слова врезались в память, как нож в дерево.

— Вы убиваете друг друга, — сказал он. — Вы думаете, что защищаете свою землю, свою семью, свою веру. Но на самом деле вы убиваете себя. Каждый враг, которого вы уничтожаете, — это часть вас. Каждая война, которую вы начинаете, — это война с собой.

Он замолчал на несколько секунд, давая людям время осознать сказанное.

— Эон говорил нам: «Вы можете убивать друг друга. Это страшно. Это больно. Но это не конец света. Потому что смерть одного не означает смерть всех». Но он не говорил, что убивать — это правильно. Он говорил, что у вас есть выбор. И вы выбрали тьму. Не ту, которая даёт глубину, а ту, которая уничтожает.

Люди плакали. Они просили прощения — не у ангелов и демонов, а друг у друга, у тех, кого обидели, у тех, кого убили. И в этом прощении не было принуждения, не было страха — только осознание того, как много времени было потеряно зря.

Ариэль и Малхиор смотрели на них и чувствовали, что их миссия удалась. Не полностью, не навсегда, но удалась.

Люди заключили перемирие. Они обменялись пленными, поделились едой, построили новые дома на месте старых руин. Эпидемия пошла на убыль — не потому, что ангелы или демоны вмешались, а потому, что люди наконец-то начали заботиться друг о друге.

Прошли годы. Земля ожила. На месте выжженных полей выросла новая трава, в реках снова появилась рыба, в небе — птицы. Дети, родившиеся после великой эпидемии, не знали вкуса крови и не боялись темноты. Они росли в мире, который казался вечным.

Ариэль и Малхиор иногда спускались на Землю, смотрели на людей, радовались их успехам и не вмешивались. Они поняли, что лучший способ помочь — это не помогать, а просто быть рядом и верить, что люди справятся сами.

Но, как это часто бывает, мир оказался хрупким.

Однажды человек по имени Иешохау, который жил в небольшой деревне у подножия гор, воздел руки к небу и обратился к Ариэлю.

Он не просил богатства, не просил славы, не просил власти. Он просил о том, что, как ему казалось, было самым важным: о мудрости, о той, которая помогает понимать себя и мир вокруг.

— Ариэль, — сказал Иешохау. — Ты, кто создал нас из света, дай мне мудрость. Я устал ошибаться. Я устал падать. Я устал причинять боль тем, кого люблю. Дай мне сил видеть правильный путь.

Ариэль услышал его. Он спустился с небес, встал перед ним и коснулся его лба.

— Твоя мудрость будет расти с каждым днём, — сказал ангел. — Но помни: мудрость не освобождает от ошибок. Она просто учит не повторять их.

Иешохау поклонился и заплакал от счастья.

8. Зависть

Но молитву Иешохау услышал не только Ариэль. Её услышал и Малхиор, который тоже внимательно следил за людьми, особенно за теми, кто выделялся среди других.

Малхиор не был злым — он не желал людям зла, не хотел их гибели, не стремился уничтожить то, что они построили. Но ему не понравилось, что человек обратился только к Ариэлю, только к свету, словно тьма не имела права на существование, словно Малхиор и его демоны были не нужны этому миру.

Он подождал несколько дней, давая Иешохау время привыкнуть к новому дару, и потом спустился к нему.

Человек не ожидал увидеть демона. Он испугался, отступил на шаг, закрыл лицо руками, но Малхиор не тронул его. Он просто стоял и смотрел.

— Ты просил мудрости у Ариэля, — сказал он. — И он дал тебе её. Но ты забыл, что мудрость бывает разной. Ариэль дал тебе мудрость света — умение прощать, терпеть, верить. Но есть и другая мудрость — мудрость тьмы. Умение видеть то, что скрыто. Умение слышать то, о чём молчат. Умение понимать, что за каждым поступком стоит страх, который нельзя победить светом.

Иешоуа опустил руки. Он не понимал, что говорит Малхиор, но чувствовал, что в его словах есть правда.

— Я дам тебе эту мудрость, — сказал Малхиор. — Не потому, что ты её заслужил, а потому, что ты должен понять: свет и тьма неразделимы. Тот, кто поклоняется только свету, слеп. Тот, кто признаёт только тьму, мёртв.

Он коснулся лба мужчины, и в этот момент в сознании человека открылось то, что было закрыто раньше.

Иешоуа увидел всё. Не только свои поступки, но и их последствия — далёкие, скрытые, о которых он даже не догадывался. Он увидел, как его слова ранят тех, кто любит его. Как его молчание убивает надежду. Как его страхи превращаются в яд, который отравляет всё вокруг. Он увидел не только светлую сторону своей души, которую так любил Ариэль, но и тёмную, которую он прятал даже от самого себя.

Он не выдержал этого знания.

Иешоуа сошёл с ума. Постепенно, день за днём. Мудрость света делала его добрее, терпеливее, мудрее. Но мудрость тьмы заставляла его видеть то, от чего он хотел закрыть глаза.

Он начал бояться людей, потому, что он видел их страхи, их сомнения, их тёмные стороны, о которых они сами не знали. Он видел, как отец ненавидит своего сына, но не признаётся в этом даже себе. Как мать завидует дочери, но не может себе в этом признаться. Как брат готов убить брата из-за клочка земли, но убеждает себя, что защищает свою семью.

Иешоуа перестал выходить из дома. Он перестал есть, перестал пить, перестал разговаривать с теми, кто пытался его навестить. Он просто сидел в углу, сжимал голову руками и смотрел в одну точку, пытаясь не видеть того, что видел.

Однажды мужчина не выдержал. Он вышел на площадь, поднял руки к небу и закричал:

— Зачем ты дал мне это, Малхиор? Зачем ты показал мне то, что я не должен был видеть? Я просил мудрости, чтобы стать лучше, а стал чудовищем, которое боится даже себя!

Малхиор услышал его. Он спустился с небес, встал перед Иешоуа и сказал:

— Ты просил мудрости у Ариэля, и он дал тебе её. Я дал тебе больше. Я дал тебе правду. Правда не всегда приятна, не всегда спасает. Но правда остаётся правдой.

— Зачем? — прошептал Иешоуа.

— Чтобы ты понял: ни свет, ни тьма не могут дать тебе того, что ты ищешь. Только сам ты можешь найти путь между ними. И этот путь всегда будет трудным.

Иешоуа опустил руки. Он не плакал, не кричал, не молил о пощаде. Он просто стоял и смотрел на Малхиора пустыми глазами, из которых ушла жизнь.

— Я не хочу такого пути, — сказал он.

И умер.

Не от болезни, не от старости, не от чьей-то злой воли. От того, что знание, которое он получил, оказалось тяжелее его души.

Люди, которые видели смерть Иешоуа, не поняли, что произошло. Они думали, что демон убил его, что Малхиор специально погубил того, кто обратился к свету. Вражда, которая так долго тлела под пеплом перемирия, вспыхнула с новой силой.

Ангелы обвиняли демонов в жестокости. Демоны отвечали, что они не жестоки, а просто честны. Ариэль и Малхиор снова стояли по разные стороны баррикад, и никто из них не знал, как вернуть мир.

Пепельная горлица, которая всё это время сидела на крыше дома Иешоуа и смотрела на происходящее, взлетела и сделала круг над площадью. Никто не обратил на неё внимания — все были слишком заняты своей ненавистью.

Скоро, — думала горлица. — Скоро всё начнётся сначала.

Она не ошиблась.

Прошли века. Люди снова воевали, мирились, воевали снова. Имя Иешоуа забыли, как забыли имена многих других, кто пытался найти истину и погиб на этом пути. Но урок, который он преподал ангелам и демонам, остался.

Никто не может дать человеку больше, чем он способен вынести. Никто не может открыть ему правду, не заплатив за это его душой. Ни свет, ни тьма не могут спасти того, кто не готов к спасению.

Ариэль больше никогда не давал людям того, о чём они просили. Он только направлял их, подсказывал, помогал увидеть то, что они уже знали, но боялись признать.

Глава 8. Гибель первых

После того как Иешоуа получил от Ариэля дар мудрости, а от Малхиора — знание, которое его убило, люди поняли одну простую вещь, которая раньше как-то ускользала от их внимания. Ангелы и демоны дают то, о чём их просят. Не всегда, не в полной мере, не так быстро, как хотелось бы, но дают. И люди начали просить.

Сначала это были скромные просьбы: кто-то хотел дождя для засушливых полей, кто-то солнца для промокших посевов, кто-то исцеления для больного ребёнка, защиты от соседей, которые позарились на чужую землю. Ариэль и Малхиор отвечали на эти просьбы, потому что не могли иначе, они любили людей, считали их своими детьми, и отказ давался им тяжелее, чем исполнение любой просьбы, даже самой трудной.

Но со временем просьбы перестали быть скромными. Люди поняли, что можно просить больше. Не дождя для полей, а победы в войне, не исцеления для больного, а смерти для врага, не защиты от соседей, а их полного уничтожения. Ариэль и Малхиор слушали эти просьбы и не знали, что делать. Отказать — значит предать свою любовь к людям. Согласиться — значит предать свою суть, потому что ни свет, ни тьма не должны служить орудием в человеческих ссорах.

Они пытались объяснить это людям, спускались на Землю, говорили с ними, просили, уговаривали, умоляли. Но люди не слышали. Они видели, что боги дают им то, о чём они просят, и не дают только тогда, когда просьба идёт вразрез с их собственными интересами. А раз так, значит, боги не добры и не справедливы. Значит, они такие же, как люди, — эгоистичные, жестокие, не заслуживающие ни любви, ни уважения.

Ненависть к ангелам и демонам росла постепенно. Сначала это было раздражение — боги не всегда отвечали на просьбы, не всегда были рядом, не всегда защищали от болезней и врагов. Потом раздражение переросло в злость — боги давали слишком мало, слишком редко, слишком неохотно. Потом злость превратилась в ненависть — боги были виноваты во всём. В том, что умирают дети, что войны не прекращаются, что земля не родит, что небо не даёт дождя.

Ариэль чувствовал эту ненависть. Она проникала в его свет, делала его тусклее, тяжелее, почти таким же тёмным, как тьма Малхиора. Он не понимал, почему его дети, которых он создал из любви, которых он учил прощению и терпению, которых он спасал от болезней и войн, теперь проклинают его и желают ему смерти.

Малхиор тоже чувствовал ненависть. Она была ему ближе — тьма привыкла к ненависти, она не боялась её, не страдала от неё. Но Малхиор страдал от того, что эта ненависть направлена не только на него, но и на Ариэля, на его свет, на то, что было самым ценным в этом мире.

Они говорили об этом, когда встречались на нейтральных землях.

— Мы должны что-то сделать, — сказал однажды Ариэль. — Иначе они уничтожат себя.

— Мы не можем их остановить, — ответил Малхиор. — Они свободны. Это был наш выбор — дать им свободу.

— Тогда мы должны спуститься к ним и объяснить.

— Они не услышат.

— А если мы пойдём вместе?

Малхиор долго молчал, потом согласно кивнул.

Они спустились на Землю в тот день, когда солнце стояло в зените и тени были короткими, почти незаметными. Ариэль не скрывал своего света, Малхиор своей тьмы. Они шли по пыльной дороге, ведущей в самый большой город тех времён, и люди, видевшие их, падали на колени, плакали, молились.

Ариэль поднимал их, говорил, что не нужно преклоняться, что они не боги, а просто те, кто хочет помочь.

— Мы пришли не для того, чтобы вы поклонялись нам, — произнёс он. — Мы пришли, чтобы вы поняли: вы сами можете всё. Вас создали свободными, и ваша свобода — это ваше богатство. Не просите у нас дождя — постройте каналы. Не просите исцеления — научитесь лечить. Не просите победы — научитесь договариваться.

Люди слушали, но не слышали. Слишком долго они привыкли к тому, что кто-то решает их проблемы за них, слишком тяжело было взять ответственность на себя.

В городе, куда они вошли, их встретили не с радостью, а с подозрением. Чересчур ярким был свет Ариэля и тёмной тьма Малхиора. Люди не хотели видеть ни того, ни другого. Они хотели, чтобы их проблемы исчезли сами, без их участия.

Первым бросил камень мальчик. Ему было лет двенадцать, его сестра умерла от болезни месяц назад, и он винил в этом ангелов, которые не спасли её, хотя могли. Камень ударил Ариэля в плечо. Не больно, ангельская плоть была крепче человеческой, но обидно.

Второй камень бросила женщина. Её муж погиб на войне, которую начали соседи, и она винила демонов, потому что они не защитили его, хотя могли. Камень попал в крыло Малхиора. Тьма в этом месте стала гуще, почти чёрной.

Потом камни полетели градом. Малхиор стоял рядом, и камни тоже летели в него — тьма всегда была удобной мишенью. Но люди били не так яростно, не с той же одержимостью. Они боялись его тьмы. Свет Ариэля был безопасным — он не защищался, он терпел, он любил, и эту любовь можно было безнаказанно топтать. А тьма Малхиора могла ответить, и люди чувствовали это.

Их дети, что ещё минуту назад стояли на коленях и плакали, теперь кричали от ненависти и бросали в богов всё, что попадало под руку. Камни, палки, грязь, собственные ботинки.

— Почему вы не спасли моего сына? — кричала одна женщина.

— Почему вы не остановили войну? — кричал старик.

— Почему вы создали нас, если не можете сделать нас счастливыми? — орал молодой парень, сжимая в руке острый камень.

Ариэль не защищался. Он стоял под градом камней и смотрел на людей с такой болью, что Малхиору стало страшно. Он видел, как свет Ариэля тускнеет, как его крылья опускаются, как лицо становится бледным, почти прозрачным.

— Уходим, — сказал Малхиор, хватая друга за руку. — Сейчас же.

— Нет, — ответил Ариэль. — Я должен попытаться ещё раз. Я должен до них достучаться.

— Они не слышат!

— Тогда я буду говорить громче.

Ариэль поднял руки к небу, и его свет вспыхнул с такой силой, что люди на мгновение ослепли. Они замерли, опустили камни и затихли.

— Я создал вас из любви, — сказал Ариэль. — Не для того, чтобы вы поклонялись мне, и не для того, чтобы я решал ваши проблемы. Я создал вас, чтобы вы жили. Сами. Свободно. Без меня. Почему вы не можете этого понять?

Люди молчали, а потом один из них, тот, что стоял ближе всех, сказал:

— Потому что без тебя мы никто.

И бросил камень.

Ариэль упал не сразу. Он был сильным, его свет — ярким, а вера в людей — почти безграничной. Но град камней не прекращался. Люди, которые ещё недавно молились ему, теперь топтали его ногами, вырывали перья из крыльев, плевали в лицо.

Малхиор пытался защитить друга. Он отбрасывал людей тьмой, заставлял их отступать, но их было слишком много. Они не боялись ни света, ни тьмы. Они боялись только того, что боги оставят их, и эта ненависть делала их сильнее, чем любые чары.

— Уходи, — прошептал Ариэль. — Спасайся.

— Без тебя я не уйду, — ответил Малхиор.

— Тогда мы умрём вместе.

Ариэль улыбнулся. В этой улыбке не было боли, не было страха, не было сожаления. Была только печаль и усталость — такая глубокая, что даже свет не мог её разогнать.

Люди вырвали ему крылья. Кровь, которой никогда не было в его жилах, вдруг появилась, она была тёмная, густая, почти чёрная. Она залила землю, и на том месте, где пролилась, выросли странные цветы — красные, с чёрными серединками, которые никогда не увядали.

Малхиор стоял рядом и смотрел, как умирает его первый настоящий друг, его брат. Он не плакал, демоны не плачут, но слёзы всё равно текли по его щекам, потому что внутри него что-то надрывалось, умирало.

Ариэль умер, когда солнце село за горизонт. Его свет погас, и на небе зажглись звёзды — те самые, что люди видят до сих пор. Говорят, что это не звёзды, а осколки его души, которые разлетелись по всему миру, чтобы напоминать о том, что свет не умирает, он просто становится другим.

Малхиор стоял на коленях рядом с телом Ариэля и не мог пошевелиться. Люди, которые убили его друга, уже разошлись — кто-то испугался того, что сделал, кто-то, наоборот, гордился своей жестокостью.

Демон поднял голову к небу, где зажигались первые звёзды, и закричал тем, что осталось от его души.

— Вы убили его, — сказал он. — Вы убили того, кто любил вас больше, чем себя. Вы убили того, кто создал вас из своей любви. Вы убили своего отца.

Малхиор замолчал на несколько секунд, собираясь с мыслями.

— Я не могу воскресить его. Я не могу наказать вас. Я не могу даже ненавидеть вас, потому что он не хотел бы, чтобы я ненавидел. Но я могу проклясть вас.

Он поднял руки, и тьма, которая всегда была его частью, сгустилась вокруг него, стала почти осязаемой, почти живой.

— Отныне каждый из вас будет искать смысл своей жизни. Вы будете искать его в деньгах, во власти, в любви, в детях, в войнах, в богах. Вы будете искать его везде, где только можно, и никогда не найдёте. Потому что смысл вашей жизни — в вас самих. Но вы не захотите в это верить. Вы будете искать ответ снаружи, а он внутри. И так будет продолжаться до тех пор, пока один из вас не поймёт эту простую истину. И тогда проклятие падёт.

Малхиор опустил руки. Тьма рассеялась, и на землю спустилась тишина, такая глубокая, что даже ветер замер.

Он посмотрел на тело Ариэля, провёл рукой по его лицу, закрыл глаза.

— Прости меня, — прошептал он.

И умер. Не от ран, не от болезни, не от старости. От того, что внутри него что-то надорвалось, когда погиб Ариэль. Его тьма рассеялась, как дым, и на том месте, где он стоял, осталась только глубокая чёрная впадина, которую люди называли Бездной.

Весть о гибели Ариэля и Малхиора разносилась по миру быстро. Люди, которые убили их, не чувствовали раскаяния, они были уверены, что поступили правильно, что боги заслужили свою смерть, что теперь они наконец-то станут свободными.

Они не стали свободными. Они остались такими же, как и были — испуганными, злыми, одинокими. Только теперь у них не было никого, кто мог бы их направить, кто мог бы ответить на их вопросы, кто мог бы просто быть рядом.

Ангелы и демоны, узнавшие о гибели своих создателей, сначала не поверили. Потом пришли в ярость, а позже обезумели от горя. Они спустились на Землю и начали войну, которая длилась тысячи лет и унесла миллионы жизней.

Но это уже совсем другая история.

Глава 9. Плач по первым

Когда Ариэль упал, небеса содрогнулись. Не в переносном смысле, они содрогнулись буквально, физически, так, что звезды, которые ещё не успели зажечься, рассыпались в прах, а те, что уже горели, погасли одна за другой, будто кто-то задувал свечи на огромном, бесконечном торте, который никто не успел разрезать. Гром прокатился от самых высоких уровней Рая до самых глубоких уровней Ада, заставляя стены дрожать, а существ замирать в ужасе, потому что никто не помнил такого, даже старейшие из старейших, даже те, кто видел рождение света и тьмы.

Ветер, который всегда дул в одном направлении, вдруг изменил его, и теперь нёс с собой не запах цветов и трав, а что-то горькое, пепельное, почти забытое — запах смерти. Реки остановились. Вода перестала течь, замерла, как замерзает в самые сильные морозы, только льда не было — была неподвижность, была тишина, было что-то, от чего даже камни начинали плакать.

Земля, которая никогда не знала землетрясений, потому что её держала воля Эона, вдруг задрожала, пошла трещинами, расступилась в тех местах, где кровь Ариэля пропитала её глубже всего. Из трещин вырывался свет, тот самый, который люди видели потом и называли северным сиянием. Свет этот был холодным, почти ледяным, и там, где он касался земли, вырастали странные цветы — бледные, с красными лепестками и чёрными серединками, которые никогда не увядали.

Малхиор умер через сразу после Ариэля, его тьма была плотнее, тяжелее, ей требовалось больше времени, чтобы рассеяться. Но когда она рассеялась, небеса содрогнулись снова, но уже по-другому. Не от грома и молний, а от тишины. От той абсолютной, всепроникающей тишины, которая наступает, когда умирает последний звук. Демоны, которые слышали эту тишину, рассказывали потом, что она была страшнее любого крика, потому что в ней не было надежды.

В Аду в ту ночь погасли все огни. Не только факелы и светильники, но и те огни, которые никогда не гасли, которые горели с момента создания мира. Демоны сидели в темноте, слушали тишину и не знали, что делать дальше. Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то просто смотрел в пустоту и ждал, когда она поглотит его.

Эон был в это время на нейтральной территории, там, где когда-то появилась пепельная горлица, там, где Он в последний раз говорил с ангелами и демонами. Создатель сидел на камне, сгорбившись, опустив плечи, и смотрел на небо, где одна за другой гасли звёзды. Его тело, и без того полупрозрачное, стало ещё более бледным, почти невидимым, и только глаза, глубокие, чёрные, полные боли, оставались настоящими.

Он не вмешивался, потому что пообещал Себе, что больше не будет управлять судьбами ангелов и демонов. Они свободны. Они имеют право ошибаться. Они имеют право падать. Даже если это падение убьёт их.

Но Он не мог не чувствовать.

Он чувствовал боль Ариэля, когда камни разрывали его крылья. Он чувствовал отчаяние Малхиора, когда тот стоял над телом друга и не мог ничего сделать. Он чувствовал страх ангелов, оставшихся без своего создателя, и растерянность демонов, потерявших своего первого отца.

Эон заплакал так, как плачет сама природа, когда понимает, что что-то непоправимое уже случилось. Его слёзы падали на землю, и там, где они падали, вырастали деревья — высокие, стройные, с серебристой корой и золотыми листьями, которые никогда не опадали. Потом, когда деревьев стало много, Эон поднял руку, и они расступились, открывая тропинку, которая

вела к пещере. В этой пещере Он спрятал свою печаль, потому что не хотел, чтобы другие видели, как Он слаб.

Говорят, пещера эта существует до сих пор. Говорят, что тот, кто найдёт её и войдёт внутрь, услышит тихий, едва различимый плач, который не прекращается никогда. И если он будет достаточно смел, чтобы пройти в самый конец пещеры, он увидит Эона. Он всё ещё там. Сидит на камне, сгорбившись, опустив плечи, и смотрит на небо, где горят звёзды.

Но никто не был достаточно смел.

Люди, убившие Ариэля и Малхиора, не сразу поняли, что натворили. Сначала была эйфория — боги мертвы, мы свободны, теперь мы сами хозяева своей судьбы. Потом пришло отрезвление — боги мертвы, а жизнь не стала лучше. Болезни не отступили, войны не прекратились, земля не стала рожать больше, чем раньше.

Потом пришло осознание.

Люди начали вспоминать лица Ариэля и Малхиора, не те, искажённые болью, которые они видели в момент убийства, а те, первые, когда ангел и демон только спустились к ним, чтобы помочь. Мудрые, добрые, терпеливые. Те, кто прощал их ошибки, кто не наказывал за непослушание, кто просто был рядом.

Им стало стыдно. Они начали строить алтари, сначала маленькие, из камней, на том месте, где погиб Ариэль. Потом больше, из дерева, затем из мрамора, который добывали в горах за много дней пути. Они приносили на алтари цветы, хлеб, вино, мясо — всё, что могли, надеясь, что боги увидят их дары и простят.

Но боги не отвечали.

Люди молились днями и ночами, просили прощения у тех, кого убили, но в ответ слышали только тишину. Такую же, какую слышали демоны в ту ночь, когда погиб Малхиор. Тишину, в которой не было надежды.

Прошли годы. Люди поняли, что боги не вернуться, что их никто не слышит, что они остались одни. И тогда они начали учиться жить без богов.

Сначала это было трудно. Каждый раз, когда кто-то заболел, они поднимали глаза к небу и ждали чуда. Чуда не происходило. Люди умирали. И тогда самые смелые из них начали искать способы лечить сами. Они перебирали травы, пробовали корни, смешивали соки и настои, записывали то, что помогало, и отбрасывали то, что убивало.

Так появилась медицина. Грязная, неточная, часто ошибочная, но своя, человеческая, которая не зависела от милости богов.

То же самое было с войнами. Раньше люди просили у ангелов победы или защиты. Теперь они учились воевать сами. Строили крепости, ковали мечи, тренировались годами, чтобы стать сильнее, быстрее, выносливее. Они теряли тысячи в битвах, но не сдавались, потому что поняли: никто не придёт им на помощь.

С земледелием было сложнее. Никто не знал, почему одни семена дают урожай, а другие нет, почему дождь идёт в одном месте и не идёт в другом, почему солнце то слишком жаркое, то слишком холодное. Они наблюдали, запоминали, сравнивали. Заметили, что если посеять зерно в определённую фазу луны, то оно взойдёт быстрее. Что если полить поле не утром, а вечером, то земля дольше остаётся влажной. Что если чередовать культуры, то земля не истощается.

Так появилось земледелие. Кропотливое, зависимое от погоды, часто неблагодарное.

Несмотря на то, что люди научились жить без богов, они не перестали в них верить. Потому что вера была не только про надежду на помощь — она была про память. Про то, чтобы не забыть, откуда они пришли, кто их создал, кто учил их первым словам.

Люди начали строить церкви. Сначала это были просто дома, где собирались те, кто помнил. Потом — каменные здания с высокими потолками и узкими окнами, через которые проходил свет. Позже — соборы, которые строились десятилетиями, в которые вкладывали всё лучшее, что умели.

Церкви посвящали святым, тем, кто, по их мнению, был ближе всего к богам. Святым объявляли тех, кто жил праведной жизнью, кто помогал другим, кто не боялся смерти. Им молились, им приносили дары, в их честь называли детей.

Но правда, которую знали только самые старые и самые мудрые, была в том, что святых не существует. Есть только люди, которые пытаются быть лучше, чем они есть. И это — единственное, что имеет значение.

Ангелы долго не знали, что делать после смерти Ариэля, они не ели, не пили, не разговаривали друг с другом. Просто сидели на своих местах и смотрели в пустоту, ожидая, когда свет, который начал меркнуть, погаснет окончательно.

Но свет не погас. Он стал другим. Более холодным, более далёким, но не исчез. И тогда ангелы поняли: Ариэль не вернётся, но его наследие останется. С ним нужно что-то делать.

Первое дерево посадил ангел, которого звали Самаэль. Он был не самым старым и не самым сильным, но он был тем, кто помнил, как Ариэль любил смотреть на деревья. Не на те, которые росли сами по себе, а на те, за которыми ухаживали, которые поливали, подрезали, берегли от болезней.

Самаэль взял семя, которое нашёл на месте, где упала последняя капля крови Ариэля, и посадил его в землю. Земля была сухой, мёртвой, никто не верил, что что-то вырастет, но через несколько дней появился первый росток, он тонкий, бледный, почти прозрачный. Росток вырос в дерево. Не такое, как на Земле, а выше, стройнее, с серебристой корой, которая светилась в темноте, и листьями, которые шелестели даже тогда, когда ветра не было. Потом рядом выросло второе дерево, потом третье, потом целая роща, потом лес. В нём не было ни шума, ни суеты. Только тишина и свет, который пробивался сквозь листву, падал на землю, согревал её. Ангелы приходили сюда, когда уставали, садились под деревьями, закрывали глаза и слушали тишину, которая помнила Ариэля.

В центре леса выросло самое большое дерево. Его называли Древом Ариэля. Говорят, что тот, кто сядет под ним и закроет глаза, увидит прошлое. То, как создавался мир, как свет отделялся от тьмы, как появлялись первые ангелы, как они учились летать, как они боялись и радовались, как они любили своего создателя.

Ангелы иногда приходили к Древу, но редко. Слишком больно было вспоминать то, что потеряли навсегда.

В Аду всё было иначе.

Демоны не могли плакать — их слёзы были огнём, который выжигал глаза, оставляя на месте зияющие дыры. Они не могли строить — их руки были созданы для разрушения, и любая попытка создать что-то новое оборачивалась катастрофой. Они могли только одно — помнить. И ненавидеть. И страдать.

Первый вулкан создал демон по имени Вельзевул. Он был одним из немногих, кто помнил Малхиора не как правителя, а как друга. Они вместе охотились на нейтральных территориях, вместе спорили о смысле жизни, вместе смеялись над ангелами, которые принимали всё слишком близко к сердцу.

Вельзевул не мог смириться с потерей. Он ушёл в самую глубину Ада, туда, где не было ни света, ни звука, ни времени, и начал копать. Демоны, которые приходили посмотреть на него, уходили, не выдерживая его отчаяния. Только самые верные оставались рядом, помогали, поддерживали, иногда просто молчали, потому что слова были бесполезны.

Однажды из глубины, которую выкопал Вельзевул, вырвался огонь.

Он был не таким, как те огни, которые горели в Аду раньше — тусклые, едва тлеющие, почти мёртвые. Этот огонь был ярким, горячим, почти живым. Он поднимался вверх, к поверхности, лизал стены, плавил камни, превращал тьму в нечто новое — в лаву.

Лавы текла медленно, но неумолимо. Она заполняла трещины, провалы, разливы, создавая новые формы, новые ландшафты, новый Ад. Там, где проходила лавы, земля становилась твёрже, воздух — чище, тьма — глубже.

Демоны, которые боялись огня, сначала прятались. Но потом поняли, что лавы не причиняет им вреда — она проходит сквозь них, не оставляя следов, не обжигая, не плавя. Она просто напоминает им о том, что они живы. Что даже после смерти Малхиора жизнь продолжается.

Теперь в Аду много вулканов. Самый большой из них, тот, что создал Вельзевул, называют Сердцем Малхиора. Говорят, что каждый год, в день смерти первого демона, Сердце просыпается, и лавы поднимается выше, чем обычно, и течёт по новым руслам.

После смерти Ариэля и Малхиора Рай и Ад стали совсем разными.

Рай стал светлее, но холоднее. Ангелы научились тишине. Не той, пугающей, от которой хочется бежать, а той, мудрой, в которой можно услышать себя. Они садились под деревьями, закрывали глаза и слушали, и в этой тишине иногда появлялось то, чего они так долго искали. Спокойствие.

В Аду стало темнее, но теплее. Демоны перестали смеяться, не потому, что разучились, а потому, что не могли смеяться без того, кто научил их первой шутке. Вместо смеха появились вулканы. Их огонь согревал, а лавы — напоминала о том, что даже в самой глубокой тьме есть движение, есть жизнь, есть надежда.

Демоны научились одиночеству. Они уходили к вулканам, смотрели на огонь и думали. И в этом одиночестве иногда появлялось то, чего они так долго искали. Смысл.

В одном из свитков, найденных в библиотеке мудрецов, есть запись, автор которой неизвестен, но которая, возможно, была написана самим Эоном:

«Смерть — это не конец. Это переход. Ариэль и Малхиор не умерли. Они стали другими. Ариэль стал светом, который греет, но не ослепляет. Малхиор стал тьмой, которая укрывает, но не давит. Они в каждом дереве, в каждом вулкане, в каждом человеке, который ищет свой путь. Они не ушли. Они просто стали больше, чем были».

И в другом свитке:

«Рай и Ад не противоположности. Они — две половины одного целого. Рай учит тишине, Ад — движению. Рай учит покою, Ад — борьбе. Рай учит принимать, Ад — отдавать. И только тот, кто понимает и принимает обе половины, может быть по-настоящему свободным».

Глава 10. Низшие

После смерти Ариэля и Малхиора мир изменился не только в Раю и Аду, но и на границах между ними, в тех нейтральных землях, куда никто не ходил и о которых почти никто не вспоминал. Там, где свет встречался с тьмой, но не смешивался, а просто существовал рядом, словно два незнакомца, начали появляться странные существа.

Сначала это были просто тени. Бесформенные, серые, едва заметные, они скользили по земле, не оставляя следов, не издавая звуков, не привлекая внимания. Никто не знал, откуда они берутся, никто не знал, зачем они здесь и что с ними делать. Ангелы, которые изредка залетали на нейтральные территории, не обращали на них внимания — слишком маленькими они казались, слишком незначительными. Демоны тоже не проявляли к ним интереса — очень слабыми они выглядели, беспомощными.

Но тени множились.

Они появлялись из ничего, из пустоты, которая осталась после того, как Эон разделил себя на свет и тьму. Эта пустота не была забыта, не была уничтожена, она просто ждала момента, когда сможет снова наполниться чем-то, когда сможет стать чем-то большим, чем просто отсутствие.

Тени сгущались, становились плотнее, тяжелее, почти осязаемыми. У них начали появляться очертания, немного расплывчатые, как у предметов, на которые смотришь сквозь воду. Кто-то из ангелов назвал их низшими, и это имя прижилось, потому что лучше всего отражало их суть — не главные, не важные, почти невидимые, но существующие.

Первые низшие были безмозглыми. Они не умели говорить, не умели думать, не умели чувствовать, они просто существовали. Скользили по земле, собирались в стаи, расходились снова, не зная ни цели, ни направления, ни смысла. Ангелы и демоны смотрели на них с недоумением и лёгким отвращением, но со временем низшие начали меняться.

Первые признаки разума появились у низших, которые жили ближе к Аду. Тьма, которая пропитывала эти земли, проникала в их серые тела, делала их плотнее, сильнее, практически живыми. Они начали различать свет и тьму, начали реагировать на движения, начали выполнять простые команды.

Демоны, которые заметили это, сначала испугались. Им не нужны были конкуренты — в Аду и так было тесно, слишком много желающих занять место под солнцем, которого здесь никогда не было. Но потом они поняли, что низшие не конкуренты, они — слуги. Безвольные, покорные, готовые выполнять любые приказы, даже самые жестокие, даже самые бессмысленные.

Низшие начали работать. Они строили стены, копали рвы, таскали камни, чистили улицы, в общем делали всё то, на что у демонов не хватало ни времени, ни желания. Они не жаловались, не просили награды, не требовали отдыха, просто работали, потому что работа была их смыслом, их оправданием, их единственным способом быть.

Демоны, которые использовали низших, поначалу относились к ним как к инструменту — сломается один, возьмём другого, но низших было не так много, как хотелось бы, и они начали их беречь.

Тюрьма в Аду, куда отправляли нарушителей спокойствия, была построена низшими. Они же её охраняли — стояли у входа, следили за порядком, наказывали тех, кто пытался бежать. Их серые, бесформенные тела внушали страх даже самым отъявленным преступникам, потому что в них не было ничего человеческого, ничего знакомого, ничего, с чем можно было бы договориться.

Сатана, который редко спускался на нижние уровни, однажды увидел, как низшие охраняют тюрьму, и сказал:

— Они не умнее собак. Но они вернее. Никто из них не предаст, не продаст. Никто из них не пожалеет о том, что сделал.

И он приказал использовать низших везде, где нужна была грубая сила и абсолютная преданность.

Тюрьма в Аду была не просто местом, куда отправляли нарушителей. Она была символом того, что даже в мире, где сила ценится выше всего, есть границы, которые нельзя переступить. Символом того, что демоны не звери, что у них есть законы, что за нарушение этих законов следует наказание.

Низшие построили тюрьму на самом глубоком уровне Ада, там, где тьма была настолько плотной, что её можно было потрогать, где тишина давила на уши сильнее любого крика. Стены тюрьмы были толщиной в несколько метров, низшие складывали камень за камнем, не зная усталости, не зная сна, не зная сомнений.

Внутри тюрьмы были маленькие, тесные камеры, заключённые сидели в них неделями, месяцами, годами, и единственными, кого они видели, были низшие, которые приносили еду и воду, молчаливые, безразличные, не реагирующие ни на мольбы, ни на угрозы.

Сатана говорил, что тюрьма нужна не для того, чтобы наказывать, а для того, чтобы напоминать о том, что свобода не абсолютна, что у каждого есть предел, что за этим пределом — только тьма и молчание.

В Раю изменения были другими. Ангелы не строили тюрем, у них не было нужды в наказаниях, потому что их подопечные редко нарушали законы. У них появлялись существа, которых никто не видел раньше — связные животные.

Они рождались из света, который оставался после того, как Ариэль покинул Рай. Из тех его частиц, которые не стали ни ангелами, ни людьми, ни чем-то ещё. Они были похожи на земных животных: на волков, на лисиц, на оленей. Но в их глазах горел разум.

Первое связанное животное появилось у входа в лес, который посадили ангелы. Это был волк, он оказался серым, с белыми глазами, в которых не было ни страха, ни злобы, только спокойствие и знание. Потом появились другие животные. Лисица, которая умела говорить на языке ангелов, но говорила редко, только когда считала, что её слова могут что-то изменить. Олень, который бегал быстрее мысли и мог доставить весть из одного конца Рая в другой за несколько мгновений. Ворон, который помнил всё, что когда-либо слышал, и мог пересказать любой разговор, даже самый древний.

Ангелы относились к связанным животным с уважением, но не с любовью. Слишком чужими они были, слишком непонятными, слишком независимыми. Животные не подчинялись приказам, не выполняли просьб, не служили никому, кроме себя, они просто были, как низшие в Аду.

Шли века. Рай и Ад росли, менялись, расширяли свои границы. То, что раньше было небольшими поселениями, превращалось в города. То, что раньше было городами, превращалось в целые провинции. То, что раньше было провинциями, превращалось в миры, в которых могли жить миллионы существ.

Ангелы строили храмы, библиотеки, сады, фонтаны. Их архитектура была лёгкой, воздушной, почти невесомой, казалось, что здания парят в воздухе, что стены состоят из света, что крыши уходят в бесконечность.

Демоны строили крепости, башни, цитадели, подземелья. Их архитектура была тяжёлой, массивной, почти угнетающей. Казалось, что здания давят на землю, что стены состоят из тьмы, что подвалы уходят в самое сердце мира.

Низших становилось всё больше. Они рождались из пустоты, которая оставалась между мирами, из тех мест, куда не проникал ни свет, ни тьма. Они работали на стройках, в шахтах, на полях. Они были везде, но никто их не замечал.

В Раю связанных животных тоже становилось больше. Они бродили по лесам, сидели на крышах храмов, смотрели на ангелов своими разумными глазами и молчали. Иногда они говорили. Но их слова были редкими, как звёзды в ночном небе, и каждый раз, когда они открывали рты, ангелы замирали в ожидании, потому что знали: то, что скажет связанное животное, будет правдой.

Глава 11. Первый грех

История первого демона, получившего дар блуда, началась не в Аду, а на Земле, среди людей, которые ещё не забыли, как молиться, но уже начали забывать, зачем.

Демона звали Азил. Он был не самым старым и не самым сильным, но его дар, который проснулся в двадцать пять лет, был особенным — он мог видеть желания людей, не просто читать их мысли, а чувствовать их как свои собственные. Ему не нужно было прилагать усилий, чтобы соблазнить человека, достаточно было просто быть рядом.

Первое время Азил наслаждался своим даром. Он спускался на Землю, находил тех, кто был слаб духом, и наблюдал, как они падают. Это было легко. Женщины, которые боялись одиночества, мужчины, которые хотели власти, старики, которые боялись смерти. Азил смотрел на них и чувствовал, как его сила растёт. Чем больше людей поддавалось искушению, тем ярче становился его дар, тем острее он чувствовал желания, тем легче ему было соблазнять. Казалось, что это будет продолжаться вечно.

Но однажды он встретил её.

Девушка жила в небольшом поселении у подножия холмов. Она не была красивой в привычном смысле — не той красотой, которая бросается в глаза и заставляет задержать дыхание. Она была красива той тихой, спокойной красотой, которая не нуждается в подтверждении. Она улыбалась, когда было грустно, и плакала, когда было больно. Она не боялась своих желаний, а принимала их, жила с ними, не пыталась подавить, не пыталась скрыть, убежать. И в этом принятии была её сила.

Азил не мог этого понять. Он привык к лёгким победам, к быстрым падениям. Он привык видеть, как люди ломаются, когда он показывает им их собственные желания. Но здесь, впервые за долгое время, он столкнулся с тем, что не мог преодолеть.

Демон потратил на неё несколько месяцев. Он менял облики, голоса, проникал в её сны, в её мысли, в её самые потаённые фантазии. Ничего не работало. Она смотрела на него своими спокойными глазами и видела не демона, не искушение — а просто кого-то, кто ищет того же, что и все. Того, кто боится одиночества.

Азил начал возвращаться к ней снова и снова. Сначала он искал способ сломать её, заставить поддаться, потом он просто искал способ быть рядом. Находил поводы, придумывал оправдания, спускался на Землю под разными предлогами, а сам шёл к ней. Сначала раз в неделю, потом чаще, а затем каждый день.

Он сам не заметил, как перестал следить за тем, что делает, и начал следить за тем, как она улыбается, когда видит его. Как её глаза теплеют, когда он входит в дом. Как она ставит перед ним чашку с чаем, не спрашивая, хочет ли он. Как она поправляет ему воротник.

Демон поймал себя на том, что ждёт этих встреч больше, чем охоты. Что думает о ней больше, чем о следующей жертве. Что улыбается, когда вспоминает её голос, её смех, её руки, которые касались его лица, когда она поправляла ему воротник.

Он не мог этого понять. Не мог принять. Не мог поверить.

Демон привык к тому, что люди в его руках — как глина, которая принимает любую форму. Но она не была глиной. Она была скалой. И он вдруг понял, что не хочет её ломать.

Что это?

Азил не находил ответа.

Он озлобился на неё за то, что она сильнее. И на себя за то, что слаб. А потом решил, что должен сломать её во что бы то ни стало. Если он не сможет её победить, то всё, что демон строил тысячи лет — рухнет. Его гордость, его сила, его власть — всё это будет ничего не стоить, если одна женщина сможет устоять перед ним.

И он сделал то, о чём жалел потом всю жизнь.

Раньше Азил показывал людям их собственные желания, и они падали сами. Теперь он внушал им желания, которых у них не было. Это было труднее и требовало больше сил.

Но демон не думал об опасности. Он думал о ней.

Он посеял в ней чувство, которого у неё не было. Создал в ней пространство, где это чувство могло прорасти. И оно проросло.

Она полюбила его.

Но она полюбила не его настоящего — демона-соблазнителя. Она полюбила того, кого она себе придумала. Того, кого не существовало.

Азил смотрел, как она меняется. Как её глаза, которые раньше светились умом и спокойствием, становятся пустыми. Как её голос, который раньше звучал уверенно и твёрдо, начинает дрожать. Как её улыбка, которая раньше была искренней, превращается в маску. Она перестала есть, спать, разговаривать с друзьями. Она ждала его каждый день, каждый час, каждую минуту, жила только надеждой увидеть его снова.

И тогда он понял.

Он понял, что его план сработал. Он сломал её. Она была готова, она была пуста, она была его. Но вместо того, чтобы почувствовать победу, он почувствовал только пустоту. Такую же, как у неё.

Демон не хотел её смерти, он хотел, чтобы она жила. Чтобы она улыбалась. Чтобы она ставила перед ним чашку с чаем и поправляла воротник.

Но не мог вернуться. Потому что если он вернётся — не сможет уйти. А если Азил останется — его дар убьёт её окончательно. Он знал это. Чем дольше рядом, тем сильнее его сила проникает в неё, тем глубже она падает. Демон не мог спасти её, потому что он сам был её ядом.

И он не пришёл.

Азил знал, что она умрёт без него. Но он также знал, что она умрёт и с ним. Разница была только в том, как быстро. Он выбрал для неё медленную смерть. Потому что если бы он пришёл, если бы он поддался своему желанию быть рядом — она бы умерла быстрее. Его сила, его присутствие, его любовь, которая теперь стала реальной, — всё это отравляло её быстрее, чем одиночество.

Через несколько месяцев женщина умерла.

От любви.

К тому, кого не существовало.

Азил не мог этого вынести. Он спустился на Землю, нашёл её тело. Она лежала на кровати, руки сложены на груди, лицо спокойное, как будто наконец перестала ждать.

Он опустился на колени, взял её холодную руку. Смотрел на неё долго, не двигаясь, не дыша.

И тогда впервые за свою долгую жизнь он заплакал.

Не огнём, как плачут демоны, а настоящими человеческими слезами. Они текли по его щекам, капали на её пальцы, оставляли мокрые пятна на простыне. Он не вытирал их. Не мог.

Потому что внутри него что-то оборвалось. Что-то, что он не знал, как назвать, что он прятал так глубоко, что сам забыл, что оно существует. Любовь.

Он внушил ей любовь, а она оставила её в нём. Как семя, которое проросло, когда он меньше всего этого ждал. Как отраву, которая не убивает, а заставляет чувствовать.

Он сам стал жертвой своего греха.

И теперь она мертва. А он жив. И будет жить вечно. С этим чувством, которое не уходит. С этой болью, которая не проходит. С этой любовью, которую он создал и которая теперь пожирает его изнутри.

Азил вернулся в Ад, но уже не был прежним. Он не соблазнял больше людей, не искал лёгких побед, не радовался своим успехам. Он сидел у вулкана, который создал Вельзевул, смотрел на огонь и думал.

Думал о том, что грех — это не просто нарушение закона, это разрушение души. И не только той души, которая грешит, но и той, которая искушает. Потому что искушитель не может оставаться в стороне, он всегда часть того, что происходит.

Однажды к нему пришёл Сатана.

— Что случилось?

Азил долго не отвечал, а потом сказал:

— Грех наказывает не только того, кто грешит, но и того, кто искушает.

Сатана задумался.

— Ты прав, — сказал он.

— Что нам делать? — спросил Азил.

Сатана посмотрел на него тяжёлым взглядом.

— Ничего, — ответил он. — Мы не можем изменить природу. Мы можем только помнить о ней.

Он ушёл. Азил остался у вулкана, так и не вернувшись к своим обязанностям.

Иногда, когда никто не видел, он смотрел на свою руку и чувствовал холод её пальцев, которых больше не было. И снова плакал.

История Азила стала легендой среди демонов. Её рассказывали молодым, чтобы они знали: их дар — не только сила, но и ответственность. Что они несут не только грех, но и его последствия. Что рано или поздно каждый искушитель становится искушаемым.

Но никто не знал, что Азил до сих пор помнит её. Её лицо, её голос, её улыбку. Ту чашку чая, которую она ставила перед ним каждое утро. Никто не знал, что он всё ещё любит её.

Ту, кого не существовало.

Ту, кого он создал сам.

Ту, из-за которой он плакал настоящими слезами. И продолжает плакать до сих пор.

Глава 12. Хранитель

Сатана правил Адом уже несколько тысяч лет, когда у него родился сын. Это случилось не в те времена, когда ангелы и демоны только начинали войну, и не в те, когда война уже заканчивалась. Это случилось в середине, в тот долгий, тягучий период, когда никто уже не помнил, из-за чего всё началось, но все продолжали сражаться, потому что не умели иначе.

Мать мальчика была демоницей из древнего рода, о котором сейчас почти никто не вспоминает. Её звали Лилит, и она была одной из немногих, кто помнил времена, когда Ад и Рай ещё не были разделены стеной, когда ангелы и демоны встречались на нейтральных территориях и не боялись друг друга. Она была красивой, умной, сильной, и Сатана выбрал её не случайно.

Лилит родила мальчика в самом глубоком зале Ада, там, где тьма была настолько плотной, что даже самые яркие огни едва пробивались сквозь неё. Роды были тяжёлыми, слишком много силы было в этом ребёнке, слишком много тьмы, слишком много того, что не укладывалось в обычные представления о новорождённых демонах.

Когда мальчик появился на свет, он не закричал. Он просто открыл глаза и посмотрел на мать. В его взгляде не было ни страха, ни любопытства, ни радости — только спокойствие. Такое спокойствие, которое бывает у существ, проживших тысячи лет, а не у тех, кто только что родился. Лилит испугалась. Не потому, что ребёнок был страшным или уродливым — он был красивым, с пепельными волосами и светлыми глазами, которые, казалось, видели больше, чем им положено. Она испугалась потому, что почувствовала в нём то, что не должна была чувствовать мать по отношению к своему сыну.

Она почувствовала соперника.

Сатана вошёл в зал, когда Лилит уже держала мальчика на руках. Он посмотрел на сына, потом на неё, и что-то в его взгляде изменилось. Он не улыбнулся, не заплакал, не произнёс ни слова, только взял ребёнка из её рук и сказал:

— Его сила огромна.

Лилит кивнула. Она знала, что это правда. Она также знала, что этот ребёнок не будет её. Никогда.

Через несколько дней Лилит подошла к его колыбели, наклонилась к самому уху и прошептала три слова. Это было его имя. То, которое никто не должен был знать. То, которое могло стать его проклятием.

Потом она развернулась и ушла. Никто не знает, куда. Никто не знает, жива ли она до сих пор. Сатана не искал её, не спрашивал о ней, не произносил её имени. Для него она умерла в тот момент, когда ушла. А мальчик остался один. Без матери, без имени, без будущего, которое кто-то мог бы предсказать.

До шести лет у него не было имени. Сатана называл его «сын» или «мальчик», иногда «наследник». Придворные демоны, которые боялись Правителя, называли его «молодой господин». Другие, что служили во дворце, называли его просто «ребёнок». Никто не осмеливался дать ему имя.

Мальчик рос в тени отца. В прямом и переносном смысле. Сатана не баловал его вниманием, не играл с ним, не рассказывал сказок на ночь. Он проверял его каждый день на прочность, на терпение, на послушание. Мальчик должен был стать сильным, потому что слабые в Аду не выживают.

Он учился владеть тьмой раньше, чем научился говорить. Его первое слово было не «мама». Это был звук, похожий на треск разрываемой ткани, который издавала тьма, когда он

приказывал ей расступиться. Учителя, которых Сатана приставил к нему, сначала не верили своим глазам. Такой маленький — и такая сила. Такой хрупкий — и такая мощь.

К пяти годам он мог убить взрослого демона. Его дар был необычным даже для Ада. Он был непобедим. С ним нельзя было справиться в бою, потому что любая атака, направленная на него, возвращалась к тому, кто её послал. Его нельзя было обмануть, потому что он видел ложь. Его нельзя было запугать, потому что он не знал страха.

Учителя говорили Сатане, что мальчик опасен. Что его дар не имеет границ. Что если он не научится контролировать себя, он может уничтожить не только врагов, но и тех, кто рядом. Сатана слушал и кивал. Он знал это, чувствовал. И всё равно продолжал натаскивать сына, как натаскивают бойцовых псов.

Азазель был старше. Он родился за несколько сотен лет до мальчика, и его дар уже полностью сформировался. Он был демоном блуда — не в том смысле, который вкладывают в это слово люди, а в более глубоком. Он мог соблазнять не только на физическую близость, но и на предательство, на ложь, на убийство. Его сила была в желаниях других, и он умел пользоваться этой силой так, как никто другой.

Братья не были друзьями. Слишком разными они были. Азазель был хитрым, изворотливым, скользким. Мальчик — прямым, жёстким, почти грубым. Но их объединяло одно — они оба были сыновьями Сатаны, и оба должны были доказать свою силу.

Иногда Сатана устраивал им испытания. Он отправлял их на нижние уровни Ада, туда, где жили самые опасные твари, и смотрел, как они справляются. Азазель побеждал хитростью, он находил слабые места врагов, натравливал их друг на друга, использовал их желания против них самих. Мальчик побеждал силой, он шёл напролом, не прячась, не сомневаясь.

Они учились друг у друга. Азазель показывал брату, что сила не всегда в кулаке, что иногда слово может быть страшнее удара. Мальчик показывал Азазелю, что хитрость без силы бесполезна, что в конце концов приходится действовать, а не говорить. Их отношения нельзя было назвать тёплыми. Они не обнимались, не признавались в любви, не защищали друг друга. Но они уважали друг друга — настолько, насколько могут уважать демоны, которые знают, что рано или поздно их пути разойдутся.

Когда мальчику исполнилось шесть лет, в Аду случилось то, что случалось редко — Сатана устроил праздник просто так, потому что захотел показать своим подданным, что у него есть ещё один сын, наследник, продолжатель рода. Весь дворец был украшен чёрными знаменами с золотой каймой, факелы горели ярче обычного, а в главном зале накрыли столы для всех высших демонов. Мальчика нарядили в тёмный костюм, который был ему немного великоват, и поставили рядом с тронном отца. Он смотрел на демонов, которые кланялись ему, улыбались, говорили слова, которые ничего не значили, и чувствовал, как внутри закипает скука.

Мать не пришла. Он уже привык, что её нет, что она не появляется ни на праздниках, ни в обычные дни, что никто не говорит о ней, будто её никогда и не существовало. Но в тот вечер, когда праздник закончился и мальчика отвели в его комнату, он увидел её впервые за несколько лет.

Лилит стояла у окна, спиной к нему, и смотрела на багровое небо Ада. Она не обернулась, когда он вошёл, не произнесла ни слова.

Мальчик замер, не знал, что сказать, не знал, что делать, не знал, зачем она пришла. Он помнил её смутно — запах жасмина, который всегда сопровождал её, холодные пальцы, которые касались его лба, голос, который пел странные песни на языке, которого никто не понимал.

— Ты вырос, — сказала она. Голос был тихим, почти шёпотом, но в этом шёпоте чувствовалась сила, которую не могли заглушить даже самые громкие звуки.

Мальчик молчал.

Лилит повернулась. Её лицо было таким же красивым, как в его смутных воспоминаниях, но в глазах появилось что-то новое — усталость, печаль, может быть, сожаление. Она подошла к нему, опустилась на колени, взяла его лицо в свои ладони. — Я не могу остаться, — сказала она. — Не могу быть здесь. Не могу быть с тобой. Но я должна дать тебе кое-что, прежде чем уйду навсегда.

Она наклонилась к его уху. Её губы почти касались его кожи.

— *****, — прошептала она.

Одно слово. Два слога. Звук, который мальчик никогда раньше не слышал, но который отозвался в нём чем-то глубоким, древним, почти забытым. Лилит отстранилась, посмотрела ему в глаза, и в её взгляде было что-то, похожее на прощание.

— Это твоё имя, — сказала она. — Никто не должен его знать. Никогда. Помни это.

Она поцеловала его в лоб, и от этого поцелуя по коже прошёл холод, который не согревал даже самый яркий огонь. Потом она встала, развернулась и вышла. Дверь закрылась за ней с тихим, почти неслышным стуком.

Мальчик остался один. Он стоял посреди комнаты, сжимал кулаки, чувствовал, как имя пульсирует в его голове, как бьётся в висках, как заполняет всё его существо. Идрис. Его имя. Его тайна. Его слабость.

Прошли годы. Мальчик превратился в юношу, юноша — в воина. Он уже не был тем ребёнком, которого мать оставила одного в холодной комнате. Он был сильным, быстрым, опасным. Его дар — непобедимость — развился и окреп, и теперь никто не мог причинить ему вреда в бою.

Но он помнил имя. И он помнил предупреждение матери: никто не должен его знать. Никогда.

Он никому не говорил его. Ни отцу, который иногда спрашивал, не называя вопроса прямо. Ни брату, который пытался выведать тайну через хитрость и обман. Ни учителям, которые учили его владеть тьмой. Однако в Аду, как и в других мирах, иногда появляются существа, которые не боятся тех, кто сильнее. Одним из них был мальчик-демон, которого звали неважно как. Он был младше сына правителя, слабее, неопытнее, но в его глазах горел тот огонь, который не могут погасить ни годы, ни поражения, ни насмешки старших.

Они встретились случайно. Молодой господин тренировался на одном из нижних уровней Ада, отрабатывая удары. Мальчик-демон наблюдал за ним из тени, а потом, осмелев, подошёл ближе.

— Ты — сын Сатаны? — спросил он.

— Да.

— А как тебя зовут?

Сын Сатаны усмехнулся. Вопрос был наивным, почти детским. Никто в Аду не спрашивал его имени — все знали, что ответа не будет.

— Молодой господин, — сказал он.

— Это не имя, — возразил мальчик. — Это прозвище. Наверное, у тебя есть настоящее имя, просто ты его никому не говоришь.

Сын Сатаны промолчал. Он хотел отогнать мальчика, приказать ему уйти, забыть об этой встрече. Но что-то в этом ребёнке было, может быть, его настойчивость, может быть, отсутствие страха, или просто то, что он был таким же одиноким.

— Зачем тебе моё имя? — спросил он.

— Чтобы знать, — ответил мальчик. — Просто знать.

Они стали видаться, сначала редко, потом чаще, потом почти каждый день. Мальчик-демон приходил на тренировки Молодого господина, смотрел, как он сражается, задавал

вопросы, на которые никто другой не осмеливался задавать. Сын правителя отвечал нехотя, коротко, отрывисто, но отвечал.

Они стали друзьями. Не такими, как с Азазелем, — те были братьями, но между ними всегда стояла стена. С этим мальчиком стены не было. Он был простым, открытым, искренним, не пытался выведать тайны, не пытался использовать для своих целей. Молодой господин начал доверять ему. Сначала мелочи — свои мысли, свои страхи, свои сомнения. Потом больше — мечты, надежды. Потом, после долгих лет молчания, он решился на то, чего не делал никогда.

Они сидели на краю обрыва, смотрели на огненные реки, которые текли вниз, и молчали. В Аду не было звёзд, но Молодой господин иногда смотрел в небо и представлял, что они есть.

— Моё имя, — сказал он, — *****.

Мальчик-демон замер. Повернулся к нему, посмотрел в глаза, и в его взгляде было что-то, похожее на благоговение.

— ***** , — повторил он. — Красивое имя.

Демон не ответил. Он чувствовал, как слово, произнесённое чужим голосом, отозвалось в нём странным теплом. Не больно, не страшно, а почти приятно. Как будто имя, которое он так долго прятал, наконец-то услышали.

Несколько месяцев спустя они поссорились, из-за чего — уже никто не помнит. Может быть, из-за территории, которую мальчик-демон считал своей, а Молодой господин — нет. Может быть, просто из-за того, что молодость и гордость плохо уживаются друг с другом. Они стояли друг напротив друга на том же самом обрыве, где когда-то делились секретами. В глазах мальчика больше не было благоговения — только злость и обида.

— Ты не лучше нас, — кричал он. — Ты просто родился в нужной семье. Твой дар — не заслуга, а случайность. Без него ты никто.

Сын правителя молчал. Он знал, что может убить мальчика одним движением, но не хотел. Этот ребёнок был его другом. Единственным другом, которому он доверил своё имя.

— Ничего не скажешь? — мальчик усмехнулся. — Конечно, молчишь. Ты всегда молчишь. Думаешь, что твоё молчание делает тебя сильнее? Оно делает тебя трусом. Молодой господин сжал кулаки, но продолжал молчать.

— ***** , — вдруг сказал мальчик спокойно, без злобы, почти ласково. — ***** , ты ничтожество.

И он напал.

Второй не успел уклониться. Не потому, что атака была быстрой, а потому, что в тот момент, когда мальчик произнёс его имя, внутри него что-то оборвалось. Как будто кто-то перерубил канат, который держал его тело и душу вместе.

Удар пришёлся в грудь. Не сильный, не смертельный, но Молодой господин почувствовал его так, будто его пронзили копьём. Боль была глубже, там, где не было ни костей, ни мышц, ни кожи. Там, где было только имя.

Он упал на колени. Кровь хлынула из носа, из ушей, из глаз. Он не мог дышать, не мог думать, не мог двигаться, только чувствовать, как его сила уходит, как тьма, которая всегда была с ним, рассеивается и покидает его.

Мальчик-демон замер. Он не ожидал такого эффекта. Он знал, что имя имеет власть, но не знал, что эта власть может быть смертельной. Он хотел остановиться, но не мог — злость и страх толкали его вперёд, поэтому занёс руку для следующего удара. И в этот момент появился Сатана. Правитель Ада не спрашивал, что случилось, не требовал объяснений. Он просто подошёл к мальчику-демону, положил руку ему на голову и сказал:

— Ты произнёс имя, которое не должен был знать.

Мальчик не успел даже вскрикнуть.

Сатана опустился на колени рядом с сыном. Он поднял его, прижал к себе, и в его тёмных глазах появилось что-то, чего Молодой господин никогда раньше не видел. Страх.

— Держись, — сказал Сатана. — Ты сильный. Ты выживешь.

Демон не мог ответить, он терял сознание, проваливался в темноту, из которой, казалось, не было возврата.***Он очнулся через несколько дней в своей комнате с перевязанными ранами, которые уже не болели. Сатана сидел в кресле у окна, смотрел на багровое небо Ада и ждал.

— Ты выжил, — сказал он.

— Мой друг... — прошептал Молодой господин.

Сатана покачал головой.

— Он не был твоим другом. Друг не использует твою слабость против тебя.

Мальчик закрыл глаза. Слёзы текли по его щекам, впервые за всю жизнь.

— Я знаю, — сказал Сатана, — каково это, когда те, кого ты любишь, предают. Я тоже через это прошёл. Но ты должен запомнить: твоё имя — это твоя сила и твоя слабость. Никогда не открывай его никому. Ни другу, ни врагу, ни тому, кому доверяешь. Потому что доверие — это роскошь, которую мы не можем себе позволить.

Он смотрел на отца, на его лицо, на котором не было ни жалости, ни сочувствия, только холодная, жестокая правда.

— Мой дар — это проклятие, — сказал Молодой господин.

Сатана не ответил. Он встал, подошёл к двери и остановился.

— Возможно, — сказал он. — Но это единственное, что у тебя есть. Так что научись с ним жить.

С того дня он никому не называл своего имени. Даже тем, кому доверял. Даже тем, кто казался ему близким. Даже себе — вслух. И никто никогда не узнает, как его зовут на самом деле.

Или кто-то узнает?

Морт появился в жизни мальчика, когда тому было уже около ста лет — по человеческим меркам он выглядел на двадцать шесть, но в глазах его была тысячелетняя усталость, которую не скрыть ни за какой маской.

Они встретились на нейтральной территории, там, где когда-то появилась пепельная горлица, где ангелы и демоны заключали перемирие, которое никогда не соблюдалось. Морт был светловолосым, с мягкими чертами лица и вечной полуулыбкой, которая могла означать что угодно — от дружелюбия до насмешки. Он не боялся мальчика, как боялись другие, не подлизывался, не пытался угодить. Он просто смотрел и улыбался.

— Ты хранишь своё имя в тайне, — сказал Морт. — Боишься, что кто-то использует его против тебя?

— Не боюсь, — ответил Молодой господин. — Предусматриваю.

Морт кивнул. Он подумал несколько секунд, потом сказал:— Тогда я буду называть тебя Хранителем. Хранителем собственного имени. Хранителем тайн. Хранителем себя.

Парень не ответил, но имя ему понравилось. Оно было точным.

С того дня его так и называли — Хранитель. Сначала только Морт, потом другие демоны, потом ангелы, которые слышали о нём, потом все. Хранитель — тот, кто хранит свою суть в тайне. Он не возражал против этого имени. Оно не давало над ним власти, не открывало его слабостей, не приближало врагов к его душе, это было просто словом, пустым звуком, за которым ничего не стояло.

Сатана одобрил выбор. Он сказал, что Хранитель — хорошее имя. Подходящее для того, кто должен править после него. Хранитель не ответил. Он уже не был мальчиком, которого можно было похвалить или поругать. Он был воином. И воину не нужны похвалы.

Азазель усмехался. Он говорил, что Хранитель слишком серьёзен, что он никогда не станет настоящим демоном, потому что не умеет радоваться жизни. Хранитель не спорил. Он знал, что Азазель прав. Морт остался рядом. Он стал советником, помощником, иногда — другом. Он был тем, кто напоминал Хранителю, что даже в Аду есть место для чего-то, кроме войны и власти. Он приносил новости из Рая, рассказывал о людях, об их радостях и печалях. Хранитель слушал и запоминал.

Сын правителя рос, и его сила увеличивалась с каждым годом. Он уже не был мальчиком, который только учился владеть тьмой. Он был демоном, которого боялись даже высшие. Его непобедимость стала легендой. Говорили, что с ним нельзя справиться в бою, потому что любая атака возвращается к тому, кто её послал. Говорили, что он может убить одним взглядом. Говорили, что он бессмертен.

Хранитель знал, что это неправда. Он знал, что есть одно слово, которое может убить его. Одно имя, которое он никогда не называл, которое было его слабостью, его тайной, его проклятием.

Он хранил его в глубине своей души, в той части, куда никто не мог проникнуть. И поклялся, что никто никогда не узнает его. Ни друг, ни враг, ни тот, кому он доверяет. Потому что доверие — это роскошь, которую он не мог себе позволить.

Иногда он думал о матери, что прошептала ему имя перед тем, как уйти, дала ему слабость, которую он не мог преодолеть.

Прошли века. Хранитель стал тем, кем его знают сейчас — холодным, расчётливым, опасным. Он правил частью Ада, подчинял своей воле демонов, сражался с ангелами, защищал границы. Его имя было известно везде, но никто не знал его настоящего имени. Морт видел, как Хранитель меняется, как становится жёстче, как теряет последние остатки того, что когда-то можно было назвать человечностью. Он не осуждал. Он понимал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.